

Заговор против Человеческой расы

От Экклезиаста и до Шопенгауэра, от четырех благородных истин Буддизма и до последнего мессии Цапffe — пессимизм присутствует в философии и религии незримой тенью, хотя нынешний век и стремится от нее убежать, записывая пессимистов в больных, ненормальных или попросту дефектных людей, страдающих хронической депрессией.

Томас Лиготти сознательно идет против этого течения, издеваясь над самыми нелепыми и популярными догмами современности, однако за его иронией звучит уже не человеческий, но космический смех — ледяной смех самой вселенной, отстраненно созерцающей суету мясных кукол их собственными глазами.

Эта книга — приглашение к общности в бесчеловечном заговоре незримых сил, попытка заглянуть на короткий миг в закулисы, где слепой кукловод без усталости мастерит все новые и новые пары глаз, одна из которых досталась вам — чтобы наконец посмотреть на его безобразное лицо, и окончательно решить для себя — в нем ли последняя истина мира?

Томас Лиготти

Заговор против Человеческой расы

MMXXIII

Посмотри на свое тело -
Крашенная кукла, жалкая игрушка,
Смастеренная из рухляди
Готовой распасться
Больная и страдающая безделушка,
С головой, полной иллюзий

- Дхаммапада

Введение: о пессимизме и парадоксе

В своем исследовании «Природа зла» (1931) Радослав Цанофф цитирует небольшой пассаж немецкого философа Юлиуса Банзена, записанный им в 1847 году, в возрасте семнадцати лет. «Человек — это самосознающее Ничто», — отмечает Банзен. Независимо от того, насколько незрелым или преждевременным может показаться такой вывод, он принадлежит к древней традиции презрения к нашему роду и всем его устремлениям. Тем не менее, господствующие настроения в отношении человеческих начинаний обычно колеблются между осторожным одобрением и отчаянным самохвальством. Поэтому те, кто желает быть услышанным или даже стяжать положение в обществе, обязаны выступать под следующим девизом: «Если ты не можешь сказать о человечестве что-то положительное, скажи двусмысленное».

Возвращаясь к Банзену, заметим, что он вырос и стал философом, не только не сказавшим о человечестве ничего положительного или двусмысленного, но и пришедшим к неутешительной оценке всего существования как такового. Подобно многим, кто пробовал свои силы в метафизике, Банзен заявил, что, несмотря на видимость обратного, вся реальность является выражением единой, неизменной силы — космического движения, которое каждый философ описывал по-своему. Сам Банзен характеризовал эту силу и ее движение как чудовищные по

своей природе, приводящие к вселенной, состоящей из хаотичной бойни и взаимного уничтожения. Кроме того, «Вселенная по Банзену» никогда не имела и намека на замысел или даже направление. С самого начала это была пьеса без сюжета и актеров, которые являлись не более чем частями механизма бессельного самоистребления. В философии Банзена все вовлечено в беспорядочную фантазию смертоубийства. Все без конца рвет друг друга на части. Однако весь этот карнавал бессмысленности остается практически незамеченным для тех, кто к нему причастен. Так в мире природы никто не знает о своей вовлеченности в праздник резни, и только «самосознающее Ничто» способно понять, что происходит на самом деле и ужаснуться от представшего перед ним пиршества хаоса.

Как и в случае многих пессимистичных философий, предложенное Банзеном представление о существовании как о чем-то странном и ужасающем не снискало поддержки у других самосознающих Ничто. К сожалению или к счастью, бескомпромиссный пессимизм малопривлекателен для широких масс. По большому счету, те немногие кто осмелились дать жизни мрачную оценку, могли вовсе и не родиться. История учит нас, что люди готовы поменять свое мнение практически по любому поводу, начиная от того, какому богу они поклоняются, и заканчивая тем, как они укладывают волосы. Однако, когда дело доходит до экзистенциальных суждений, человеческие существа склонны приходить к однозначно позитивным выводам о себе и своем положении в этом мире и непоколебимо уверены в том, что они не являются лишь кучкой осознающих себя Ничто.

Стоит ли нам в таком случае отказаться от упреков в излишнем самодовольстве нашего вида? Это было бы отличным решением, наилучшим для тех, кто отклоняется от нормы. Не менее хорошим советом будет избегать споров в том случае, когда уж пришлось раскрыть рот. Этим миром правят деньги и любовь, и никакой полемист не заставит его сдвинуться с места пока он сам того не захочет. Как говорил британский автор и апологет христианства Г. К. Честертон: «Вы можете найти истину с помощью логики, только если вы уже нашли истину без нее». Честертон подразумевает, что логика не имеет отношения к истине, потому что если вы можете найти истину без логики, то логика является излишней для любых усилий по ее, истины, поиску. На самом деле, единственным мотивом для упоминания логики в его формулировке выступает желание высмеять тех, кто как раз считает логику необходимой для поиска истины, пусть и не той, которая имела решающее значение для Честертонна как христианина.

Известный тем, что излагал свои убеждения в форме парадоксов, Честертон, совместно с теми, кто имел сказать что-то положительное или двусмысленное о человеческом роде, выступает в первых рядах в крестовом походе за истину (и в этом нет ничего парадоксального). Поэтому, если ваша правда противоречит правде тех, кто придумывает или одобряет парадоксы, лишь укрепляющие статус-кво, вам стоит взять свои аргументы, разорвать их и выбросить в помойку.

Конечно, бесполезная аргументация имеет свои преимущества и может служить забавным дополнением к горькой радости изрыгания проклятий, сотворения личных идолов и безудержных проповедей. Именно для того, чтобы избавиться от подобного несдержанного применения рационального и ирраци-

онального (как будто их можно разделить), представленное в этой работе «определение ужаса» основано на тезисах философа, весьма обеспокоенного тем, каково это - быть представителем человеческой расы.

Впрочем, в нашей прелюдии к унижению не стоит заходить слишком далеко. Достаточно сказать лишь то, что философ, о котором идет речь, рассматривал человеческое существование как трагедию, которой не было бы, если бы не вмешательство в нашу жизнь одного-единственного катастрофического события: эволюции сознания — матери всех ужасов. Он также избразил человечество как вид противоречивых существ, продолжение существования которых лишь ухудшает их участь: мутантов, воплощающих искаженную логику парадокса; реального парадокса, а не неудачной эпитафии.

Даже беглый обзор темы покажет, что не все парадоксы одинаковы. Некоторые из них чисто риторические, лишь кажущиеся противоречия логики, которые, при должном мастерстве, могут быть разумно разрешены в определенном контексте. Более интригующими являются те парадоксы, которые издеваются над нашими представлениями о реальности. В хоррор литературе привычным сюжетом является история персонажа, который сталкивается с парадоксом, так сказать, во плоти, и должен встретиться с ним лицом к лицу или рухнуть в ужасе перед этой онтологической перверсией — тем, чего не должно быть, но оно все же есть. Наиболее классическим образцом живого парадокса является «нежить», эти ходячие трупы, жаждущие вечного присутствия на земле. Нас мало интересует то, должно ли их существование продолжаться бесконечно или быть прервано ударом кола в сердце. Намного более важным является само

чувство сверхъестественного ужаса, возникающее от одной мысли, что такие существа хоть на мгновение могут существовать своим невозможным способом.

Еще одним случаем парадокса и сверхъестественного ужаса, слившихся воедино, являются неодушевленные предметы, посмевшие пойти против собственной природы. Возможно, наиболее ярким примером этого явления является марионетка, освободившаяся от своих нитей и ставшая самодвижущейся. Давайте немного поразмыслим над интересными аспектами марионеток. Их делают кукольники, и по воле кукловода они ведут себя определенным образом. В данном случае мы имеем в виду марионетки, повторяющие наш образ, но никогда с тщательностью, достаточной для того, чтобы их можно было спутать с реальными людьми. Будь они таковыми, их сходство с нашими плавными формами оставляло бы впечатление настолько странное и пугающее, что не могло бы восприниматься, не вызывая тревоги. Поскольку чувство тревоги мало способствует продаже кукол, их создают без придания им нашего точного образа и подобия, так, чтобы спутать их с людьми можно было только в полумраке промерзлого подвала или захламленного чердака. Нам нужно, чтобы марионетки оставались марионетками. Однако даже так они могут вызывать беспокойство. Ведь если мы посмотрим на куклу под определенным углом, нам может показаться, что она смотрит на нас в ответ, но не так, как смотрит человек, а своим, кукольным взглядом. Может даже показаться, что она вот-вот оживет. Именно в эти моменты легкой дезориентации возникает психологический конфликт, диссонанс восприятия, посылающий через само наше существо судорогу сверхъестественного ужаса.

Родственным для сверхъестественного понятием является «извращенный»¹. Оба слова могут быть использованы в отношении нечеловеческих форм, выражающих человеческие качества. Аналогично их можно применить как к внешне подвижным формам, не являющимся тем, чем кажутся, так и к вещам, которые не являются ни одной, ни другой вещью, или, что еще более извращенно и ужасающе сверхъестественно, вещам, которые, как выясняется, являются и тем и другим одновременно. Независимо от того, существуют ли на самом деле проявления сверхъестественного, они ужасают нас в концептуальном плане, поскольку мы считаем себя живущими в реальном мире, который может и производит впечатления праздника резни, но лишь в физическом, а не метафизическом смысле. Вот почему мы привычно приравниваем сверхъестественное к ужасу, и марионетка, одержимая жизнью, была бы примером именно такого ужаса, поскольку она отрицает все представления о естественном физикализме и утверждает метафизику хаоса и кошмара. Марионетка все еще останется куклой, но куклой с разумом и волей; человеческая марионетка — парадокс, намного более разрушительный для нашего разума, нежели оживший мертвец. Но сами марионетки не восприняли бы это таким образом. Марионетка перестает считать себя таковой, когда в нее вселяется сознание, пробуждающее непоколебимое чувство принципиального отличия от всех остальных объектов творения. Как только вы начинаете чувствовать, что де-

¹ В оригинале используется не имеющего прямого аналога в русском языке слово «ипсаппу» (зловещий, жутко похожий, неестественный). Читателю наверняка знакомо выражение ipsa ppy valley или «зловещая долина», описывающие страх и отвращение возникающий у людей при взгляде на куклу, робота или иной объект, выглядящий или действующий примерно, как человек, но не точно так, как настоящий.

лаете что-то самостоятельно, что вы сами совершаете поступки и думаете о мыслях, которые, кажется, зародились внутри вас, — вы не сможете поверить, что являетесь кем-то иным, кроме как хозяином собственной судьбы.

Будучи лишь образом нас самих, марионетки не выступают нашими равноправными партнерами. Они актеры в своем собственном мире, который существует внутри нашего и отражается в нем. Что мы можем увидеть в этом отражении? Только то, что мы хотим видеть, то, что мы можем вынести. Благодаря профилактическому самообману мы скрываем от себя то, что не готовы впустить в свою голову, так, словно мы можем выдать себе тайну, слишком страшную для того, чтобы ее знать. Наша жизнь изобилует загадочными вопросами, на которые одни пытаются ответить, а другие пропускают мимо ушей. Мы готовы считать себя голыми обезьянами или падшими ангелами, но точно не человеческими марионетками. Мы занимаем более высокое положение, чем эти пародии на наш вид, мы свободно передвигаемся и можем говорить тогда, когда сами посчитаем нужным. Мы верим, что сами добиваемся успеха, и любой, кто противоречит этому убеждению, будет принят за сумасшедшего или того, кто пытается поселить в сердцах других надуманный страх. Как можно воспринимать всерьез кукловода, который сам стал куклой?

Когда выступление марионеток заканчивается, они возвращаются назад в свои коробки. Они не сидят в кресле, читая книгу, вращая шарами глаз вслед за словами. Они всего лишь предметы, подобно трупу в гробу. Если бы они когда-нибудь ожили, наш мир стал бы парадоксом и ужасом, в котором все было бы неопределенно, включая то, являемся ли мы сами всего лишь человеческими марионетками.

Введение: о пессимизме и парадоксе

Весь сверхъестественный ужас заключается в том, что, по нашему мнению, должно быть и чего быть точно не должно. Как свидетельствуют ученые, философы и духовные учителя, наши головы полны иллюзий; вещи, в том числе и человеческие, не являются тем, чем они кажутся. И все же одно мы знаем наверняка: разница между тем, что естественно, и тем, что нет. Другое, что мы знаем, — это то, что природа не совершает таких промахов, которые позволили бы вещам, включая человека, свернуть в сторону сверхъестественного. Если бы она совершила такую ошибку, мы бы сделали все, что в наших силах, чтобы похоронить это знание. Но нам не нужно прибегать к таким мерам, ведь мы так же естественны, как и природа. Никто не может заставить нас подозревать что наша жизнь в этом мире — это сверхъестественный ужас, а уж тем более доказать это. Это вам подтвердит кто угодно, в том числе и те, кто читают книги, в которых сверхъестественное, извращенное и пугающе парадоксальное рассматриваются как неотъемлемая часть нашей природы.

Заговор против Человеческой расы

Кошмар существования

Психогенезис

Веками у них не было собственных жизней. Их существование было открыто миру и ничто не отделяло их от остального бытия. Никто не смог бы сказать, как долго это продолжалось. Но постепенно что-то начало меняться. С каждым новым поколением, изменения, не предвещавшие ничего хорошего, все глубже проникали в них. С каждым витком развития их вида они приближались к границе, о существовании которой даже не подозревали. Они смотрели на усеянное звездами ночное небо и чувствовали, насколько они малы и незначительны среди необъятных просторов Вселенной. Вскоре они уже больше не могли смотреть на мир так, как смотрели в прежние времена. Теперь, когда они находили одного из своих, холодного и неподвижного, его обступали со всех сторон, так, словно им нужно сделать что-то, чего они никогда не делали раньше. Холодных и неподвижных стали уносить в отдаленные места, чтобы они уже никогда не смогли найти дорогу назад. Но несмотря на это, тела обнаруживали себя вновь, стоя в молчании лунного света или мелькая среди языков пламени костра. Все изменилось, как только они стали жить своей жизнью; когда узнали, что у них есть своя жизнь. Теперь невозможно было даже представить, что когда-то все было иначе. Им казалось, что они

стали хозяевами своих поступков, и что нет больше никого равного им. Что-то произошло. Они не знали, что именно, но знали, что так быть не должно. Прошла та эпоха, когда их существо было открыто миру. И с этим нужно было что-то делать, чтобы они могли жить как прежде, и земля не уходила из-под их ног. Веками они были лишены собственной жизни. Теперь, когда они ее обрели, пути назад уже не было. Они были отделены от остального творения и с этим ничего нельзя было поделать. Но нужно было как-то жить с тем, чего быть не должно. И со временем они поняли, что можно и нужно сделать для того, чтобы они могли жить этой новой, принадлежащей им жизнью. Это не могло вернуть их к безвозвратно ушедшим временам, но было наименьшим из доступных им зол (1).

Ante-mortem

На протяжении тысячелетий в кулуарах человеческой мысли ведутся ожесточенные споры. Обсуждается следующий вопрос: «Что мы можем сказать о том, что мы живы?» В большинстве случаев звучит ответ, что быть живым — это неплохо. Более дальновидные добавляют: «Особенно если учесть альтернативу», раскрывая иронию, столь же загадочную, сколь и мрачную, поскольку альтернатива здесь подразумевается не только как неприятная, но и как способная, при рассмотрении, сделать пребывание живым более терпимым. Она выступает здесь не как надвигающаяся неизбежность, а как возможность, которая может и не осуществиться. И все же это скрытое предчувствие прекрасно осознается теми, кто утверждает, что быть живым — это неплохо. Эти люди стоят по одну сторону баррикад. На другой стороне находится малозаметное меньшинство, чей ответ на поставленный ранее вопрос, не будет ни поло-

жительным, ни двусмысленным. Они лишь посмеются над тем, что быть живым – это неплохо, добавив, что жить значит пребывать в кошмаре без надежды на пробуждение к реальному миру, что наши тела по шею погружены в трясину ужаса, и что мы живем как затворники в проклятом доме страха, из которого никто еще не возвращался живым. На самом деле, невозможно ответить на вопрос, почему кто-то из этих людей думает и чувствует именно так, а не иначе. Единственное, что можно сказать, это то, что первая группа состоит из оптимистов, пусть они могут и не считать себя таковыми, в то время как противоборствующая группа, это незаметное меньшинство, состоит из пессимистов. Последние знают, кто они такие. Но кто из них прав, экзистенциально измученные пессимисты или жизнелюбивые оптимисты, никогда не будет решено.

Даже когда наиболее вдумчивые из нас начинают сомневаться в ценности существования, они не афишируют свои подозрения, продолжая иносказательно заявлять, что «быть живым — это неплохо». Они присоединяются к бесконечной череде глашатаев оптимизма, лишь облекая его в более изощренные слова. Мясник, пекарь и подавляющее большинство философов сходятся в одном: человеческая жизнь – это благо, и мы должны поддерживать существование нашего вида как можно дольше. Отстаивать противоположную сторону вопроса — значит напрашиваться на неприятности. Но некоторые люди, кажется, рождены с болью о том, что жить – это отнюдь не благо. Их мучения находят свое отражение в философских и художественных произведениях, которые, впрочем, не страдают от избытка поклонников. Среди таких работ выделяется эссе «Последний Мессия» (1933), написанное норвежским философом и литератором Петером Весселем Цапффе (1899-1990). В

этом тексте Цапффе объясняет, почему он видит человеческое существование как трагедию (2).

Прежде чем перейти к тому, почему Цапффе считает человеческое существование трагедией, имеет смысл упомянуть несколько фактов, важность которых станет очевидной далее. Как известно, существуют читатели, которые ценят философские и литературные произведения пессимистического, нигилистического или пораженческого толка; можно даже сказать, что они считают их необходимыми для собственного существования. Однако, ввиду своего противоречивого темперамента они не готовы признать, что хоть что-то незаменимое для их существования (как буквально, так и в переносном смысле) может войти в их жизнь, как бы по праву рождения. Они в принципе не считают, что есть что-либо, что может быть заявлено как необходимое для существования по праву рождения, поскольку такое право – это ложь, сфабрикованная с определенной целью, в чем может убедиться любой студент-гуманитарий. По большому счету, единственные права, которыми мы можем воспользоваться, таковы: стремиться к выживанию наших индивидуальных тел, создавать больше тел, подобных нашему собственному, и погибнуть – от старости или смертельной травмы. Это при условии, что человек был доношен до срока и достиг возраста репродуктивной готовности, а как известно, ни то, ни другое не является правом по рождению. Таким образом, единственным нашим естественным правом является *право на смерть* (3). Никакое другое право никогда и никому не давалось, кроме как в качестве выдумки, будь то в наше время или в прошлые времена. Сегодня мы готовы признать божественное право королей выдумкой, фальсифицированным разрешением на горделивое слабоумие и импульсивный

хаос. С другой стороны, неотъемлемые права некоторых людей, похоже, остаются актуальными: мы почему-то верим, что они не являются выдумкой, потому что наши «священные документы» утверждают, что они реальны. Каким бы жалким или, наоборот, благородным ни казалось данное право, оно значит не больше, чем разрешение на проезд, которое дает светофор. Последний, как известно, отнюдь не гарантирует отсутствие транспортных происшествий. Попробуйте заявить обратное фельдшеру, увозящему ваше тело в ближайший морг.

Неспящие

То, что у нас нет никаких естественных прав, кроме как права умереть (в большинстве случаев без посторонней помощи) — это не трагедия, а лишь констатация факта. Переходя, наконец, к сути мысли Цапффе, изложенной в «Последнем Мессии», можно сказать, что то, что норвежский философ считал трагедией человеческого существования, зародилось, когда на определенном этапе нашей эволюции мы приобрели этот «пресловутый избыток сознания»². Очевидно, что между когнитивными психологами, философами разума и нейробиологами существуют разногласия по поводу того, чем является сознание. Однако сам факт того, что этот вопрос занимал людей еще во времена Древней Греции и раннего Буддизма говорит о том, что существует предположение как о наличии у человека сознания, так и о том, что оно оказывает непосредственное влияние на то, как мы существуем. Сам Цапффе характеризовал это влияние следующим образом:

² Заранее просим снисхождения по поводу постоянных просьб данной работы если не согласиться с этим тезисом, то хотя бы оставить свое недоверие при себе. – прим. авт.

Брешь в единстве жизни, биологический парадокс, чудовищность, абсурд; губительная природа хватила через край. Жизнь промахнулась мимо цели и взорвала саму себя. Один вид оказался перевооружен: дух делает всемогущим, но в равной степени угрожает самому благополучию. Его оружие подобно мечу без рукояти с обоюдоострым лезвием: владеющий им должен обратить один край против себя.

Несмотря на новое зрение, человек все еще был укоренен в материи, а его душа привязана к ней и подчинена ее слепым законам. И, оглядев материю как чужак, он сравнил себя со всеми явлениями, узнал и увидел свои жизненные процессы.

Он явился в природу незванным гостем, тщетно простирая руки в примирении со своим создателем: Природа больше не отвечала, она сотворила чудо с человеком, но после не знала его. Он потерял право пребывания во вселенной, вкусил от Древа Познания и был изгнан из рая. Он овладел окружающим миром, но проклял эту власть, купленную ценой гармонии души, невинности, внутреннего мира в объятьях жизни.

Есть ли зерно истины в этом пессимистическом словоблудии, этой тираде, направленной против эволюции сознания? Тысячелетия прошли без особых дискуссий на эту тему, по крайней мере, в приличном обществе, и вдруг такой выпад со стороны малоизвестного норвежского философа. Что тут можно сказать? Для контраста приведем несколько выдержек из онлайн-интервью с именитым британским мультидисциплинарным мыслителем Николасом Хамфри («„Я“, которое стоит иметь: Разговор с Николасом Хамфи», 2003):

Сознание и феноменальный опыт, во многих отношениях даже слишком приятны, чтобы оказаться правдой. То, как мы воспринимаем мир кажется чрезвычайно прекрасным, разнообразным и удивительным. Феноменальный опыт несомненно может и должен стать основой для формирования «Я», которое стоит иметь. Только посмотрите какие вещи становятся возможными и даже естественными, когда это новое «Я» оказывается на своем месте. Мы, люди, обретаем новую уверенность и стимул к собственному выживанию, новый интерес к другим людям. Нас начинает интересовать будущее, бессмертие и всевозможные вопросы, связанные с тем, насколько далеко простирается сознание вокруг нас...

Чем больше я думаю об этом, тем больше убеждаюсь в том, что мы эволюционировали таким образом, чтобы воспринимать сознание как прекрасную саму по себе вещь, что возможно связано с тем, что сознание действительно прекрасно само по себе.

Может быть в этом, уже оптимистичном словоблудии, где сознание — это не «брешь в единстве жизни, биологический парадокс, чудовищность, абсурд», а нечто, что «прекрасно само по себе», можно обнаружить то, что сделает человеческое существование невероятно желанным приключением? Сами подсудите, британский мыслитель так долго думал об эволюции сознания, что не может сдержать своей радости по поводу того, что она произошла. Что тут можно добавить? И Хамфри, и Цапффе с одинаковой страстью говорят о вещах, которые их волнуют, но это еще не значит, что они говорят истину. Считаете ли вы сознание благом или, наоборот, ужасом, это только то, что вы думаете, и ничего больше. Но даже если вы не можете под-

твердить истинность своих измышлений, то по крайней мере можно выставить их напоказ и посмотреть, как отреагирует широкая публика.

Работа мозга

На протяжении веков выдвигались самые различные версии того, как сознание работает и какова его природа. Теория, которую (возможно, сам того не зная) разделял Цапффе такова: сознание связано с человеческим мозгом таким образом, что мир предстает перед нами таким, каким он является, и мы предстаем перед собой такими, какие мы есть - то есть как «Я» или как «личность», скрепленная воспоминаниями, ощущениями и эмоциями. Никто не знает, как именно устроена связь между сознанием и мозгом, однако все доступные нам данные поддерживают недуалистическую теорию о том, что мозг выступает единственным источником сознания. Цапффе принял сознание как данность и двинулся дальше. Его не интересовали дебаты вокруг природы этого явления как такового, а только то, как оно определяет сущность нашего вида. Этого допущения было достаточно для поставленных им целей, которые были чисто экзистенциальными и не предполагали поиска технических объяснений работы сознания. Так или иначе, почему и как сознание «случилось» (а оно не всегда присутствовало в нашем виде) остается для нас такой же загадкой, как и для людей времен Цапффе, так же, как и остается загадкой процесс возникновения жизни из неживой материи. Сначала жизни не было, а потом она появилась, будучи нареченной впоследствии «природой». Она разрасталась во все более сложные и разнообразные формы, и как часть этого процесса в мир вошли человеческие организмы. Через некоторое время у этих орга-

низмов (а также у некоторых других, пусть и в гораздо меньшей степени) появилось сознание, и оно продолжило набирать обороты по мере нашей эволюции. В этом сходятся все теоретики сознания. Через миллиарды лет после скачка от безжизненности к жизни, человеческие существа совершили скачок от бессознательности к степени осознанности достаточной для того, чтобы дать оценку самому явлению сознания. Никто не знает, как произошел этот скачок и сколько времени он занял, пусть и существуют теории как о первом, так и о втором, а также о различных мутациях из одного состояния в другое.

«Мутации слепы», — писал Цапффе. «Они происходят бессистемно, не имея никакой связи с окружающей средой». Как уже было сказано, то, как произошла мутация, ответственная за появление сознания, мало волновало Цапффе, который полностью сосредоточился на демонстрации того трагического эффекта, который она оказала. Такой взгляд достаточно типичен для философов-пессимистов. Обычно непессимистичные философы дают либо нейтральную оценку сознанию, либо, как Николас Хамфри, считают его чудесным даром. Именно поэтому, когда им доводится услышать позицию пессимиста, последняя сразу же отвергается. Поскольку сам мир на их стороне в убеждении, что быть живым — это неплохо, «не-пессимисты» не склонны размышлять о том, что человеческое существование — это сплошная трагедия. Они лишь обсуждают тонкости интересующих их аспектов человеческого существования, что может включать трагическое, но никогда в степени достаточной, чтобы они утратили свою убежденность в том, что быть живым — это неплохо. Они проносят эту веру через всю свою жизнь и даже смерть, которая для них в порядке вещей.

Мутация

Мы установили, что сознание редко рассматривается как нечто трагическое. Несмотря на это, Цапффе замечает, что его груз уже давно стал бы фатальным для человека, если бы он не предпринимал никаких действий. «Почему человечество не вымирало во время великих эпидемий безумия? Почему лишь незначительное число людей погибает, не выдержав напряжения сознания, дающего им больше, чем они могут вынести?» — спрашивает философ. Его ответ: «Большинство людей учатся спасать себя, искусственно ограничивая содержание сознания».

Согласно Цапффе, с эволюционной точки зрения, сознание — это ошибка, требующая компенсации последствий. Это был случайный нарост, который превратил нас в расу противоречивых существ — извращенных созданий, не имеющих ничего общего с остальным творением. Из-за сознания, матери всех ужасов, мы стали восприимчивы к мыслям, которые поражали и пугали нас, мыслям, которые никогда не были уравновешены теми, которые успокаивали и обнадеживали. Наш разум начал обнаруживать все новые и новые ужасы, все те безрадостные возможности, способные заставить нас упасть на землю в пароксизме накручивающего самого себя страха. Подобная перспектива потребовала использования определенных защитных механизмов, удерживающих наш вид от падения в бездну полной нежизнеспособности.

Возможно, в незапамятные времена сознание действительно способствовало нашему выживанию (как утверждает одна из теорий), однако эта способность довольно быстро превратилась в двойного агента, работающего против нас. Как заключил Цапффе, мы должны всеми силами препятствовать нашему сознанию, иначе оно навяжет нам слишком ясное ви-

дение того, что мы никогда не захотели бы видеть, а это, как считал норвежский философ, — прямой путь к «братству страдания меж всем живым».

Независимо от того, согласны ли вы с тем, что такое «братство» существует, бессмысленно отрицать, что человеческие существа — это единственные организмы, способные сформулировать подобную концепцию существования. То, что мы способны постигнуть страдание, причем как свое, так и других организмов, является уникальным свойством нашего опасно сознательного вида. Мы знаем, что страдание существует, и мы принимаем меры по его предотвращению, что включает в себя и его купирование путем «искусственного ограничения содержания сознания». Хлопоча о предотвращении или уменьшении страдания (в основном о последнем), большинство из нас забывает про то, насколько сильно оно отравило наше существование.

На самом деле, мы не можем позволить страданию одержать верх ни в нашей индивидуальной, ни коллективной жизни. Мы обязаны идти вперед, а те, кто отдаст предпочтение страданию, останутся позади. Они лишь отягощают нас своим нытьем. Нам нужно куда-то идти, и мы должны верить, что сможем туда добраться, как далеко бы это ни было. Если же представить, что «братство страдания меж всем живым» действительно существует, то мы не сможем никуда попасть. Мы озабочены качеством нашей жизни и шаг за шагом стремимся к его улучшению. Мы, как сознательный вид, ставим для себя цели. Как только мы достигаем одной из них, мы переходим к следующей, словно играя в настольную игру, которая, как нам кажется, никогда не закончится; несмотря на то, что она закончится, нравится нам это или нет. Если же вы вдруг осознаете,

что вам это не нравится, то можете считать себя биологическим парадоксом, который не может жить со своим сознанием, но и не может жить без него. Будучи живым и неживым, вы принимаете роль нежити и человеческой марионетки.

Уничтожение I

Большинство земных организмов влачит относительно бесхитрое существование. Их жизнь состоит из трех вещей: выживание, размножение и смерть — ничего больше. Но мы знаем слишком много, чтобы довольствоваться только лишь этой триадой. Мы осознаем, что живы, и знаем, что умрем. Для нас не секрет, что мы вынуждены страдать в течение всей своей жизни лишь для того, чтобы пострадать еще немного перед своей смертью. Этим же знанием мы «наслаждаемся», будучи наиболее разумными организмами, вышедшими из лона природы. И являясь таковыми, мы чувствуем себя обделенными, если для нас не уготовано ничего больше нежели просто выживать, размножаться и умирать. Мы желаем, чтобы это «больше» было, или даже верим, что оно действительно есть. В этом и заключается трагедия: сознание заставило нас оказаться в парадоксальной ситуации, когда мы стремимся не осознавать себя теми, кем мы являемся - кусками угасающей плоти на разлагающихся костях.

Нечеловеческие обитатели этой планеты не осознают свою смертность. В свою очередь, мы подвержены пугающим и страшным мыслям, и нам нужны сказочные иллюзии, чтобы отвлечься от них. Таким образом, жизнь для нас лишь фокус, который мы должны повернуть сами с собой, надеясь, что мы не оступимся и не лишим себя защитных механизмов, встав обнаженными перед безмолвной, пристально

смотрящей пустотой. Чтобы положить конец этому самообману, чтобы освободить наш вид от парадоксального императива одновременной осознанности и неосознанности, чтобы наши спины не ломались под тяжестью лжи, мы должны прекратить воспроизводство. По мнению Цапффе, ничто другое не поможет. Так в «Последнем Мессии» он говорит о вымирании человечества через персонажа, в честь которого и названо эссе. В других местах Цапффе говорит на эту тему уже от своего лица:

Чем скорее человечество решится гармонизировать себя со своим биологическим положением, тем лучше. А это значит добровольно уйти, презрев земные условности, подобно тому, как теплолюбивые виды вымерли при понижении температуры. Для нас непременосим моральный климат космоса, и политика ограничения рождаемости двумя детьми могла бы сделать процесс прекращения существования безболезненным. Однако вместо этого мы плодимся и расширяем свое жизненное пространство, поскольку необходимость научила нас быть глухими к моральному кличу нашего сердца. Возможно, самым неразумным эффектом такой ободряющей вульгаризации является доктрина, согласно которой человек «обязан» страдать от мучений и ужасной смерти, если это принесет пользу остальным членам его группы или даже спасет ее. Тот же, кто откажется страдать во имя общего блага, будет осужден и убит, вместо того чтобы направить свою злость на сам миропорядок, позволивший этой ситуации случиться. Для любого внешнего по отношению к группе наблюдателя это, очевидно, абсолютно неравно-

ценный обмен; никакой будущий триумф не оправдает это прискорбное уничтожение человека против его воли. Именно по этой вымощенной человеческими судьбами мостовой, выжившие штурмуют все новые замки бессмысленных переживаний и массовых смертей. («Фрагменты интервью», Aftenposten, 1959)

Мысль Цапффе, скорее провокационная, нежели глубокомысленная, является, возможно, самой доступной в истории философского пессимизма. Проникновенная и невеселая, она опирается на табуированные общие места и запрещенные трюизмы, избегая при этом заумных выкрутасов своих предшественников, занимавшихся тем видом витиеватых размышлений, которыми на протяжении тысячелетий и кормилась философия. Например, в «Мир как Воля и Представление» немецкого философа Артура Шопенгауэра изложена одна из самых захватывающе сложных метафизических систем из когда-либо придуманных — квази-мистическая разработка «воли к жизни» как ипостаси реальности; бездумного и неустанного хозяина всего сущего; бесцельной силы, заставляющей все делать то, что оно делает; имбецильного кукловода, ответственного за суматошное движение нашего мира. Но «воля к жизни» Шопенгауэра, какой бы привлекательной она ни казалась в качестве гипотезы, слишком перегружена доказательствами, чтобы быть чем-то большим, чем очередным интеллектуальным лабиринтом для любителей головоломок. В сравнении с этим принципы Цапффе недостаточно элегантны для того, чтобы вызвать страсть у профессоров или практиков философии, которые обычно озабочены мелочами теорий, а не грубыми фактами нашей жизни. Наша мысль должна ходить кругами, ведь за их пределами лежит невысказанное. Доказательство: в то

время как комментаторы мысли Шопенгауэра рассматривают ее как философскую систему, достаточно зрелую для академического анализа, они игнорируют то, что ее конечный пункт — это отрицание Воли к Жизни как проект окончания человеческого существования. Впрочем, даже сам Шопенгауэр не довел этот аспект своей теории до логического завершения, что и позволило ему сохранить свою репутацию у специалистов по философии.

Зомбификация

Как уже говорилось выше, Цапффе пришел к двум основным выводам относительно «биологического положения» человечества. Первое заключалось в том, что сознание перешло ту грань, после которой оно стало источником страданий для нашего вида, и чтобы минимизировать эту проблему, мы должны минимизировать наше сознание. Из множества разнообразных способов, которыми можно достичь эту цель, Цапффе выделил четыре основные стратегии.

(I) ЦЕНзуРА. Чтобы жить, не впадая в отчаяние, мы изолируем ужасающие факты жизни, отправляя их в дальний уголок нашего сознания. Они словно сумасшедшие члены семьи, запертые на чердаке, существование которых мы отрицаем в заговоре молчания.

(II) ФИКСАЦИЯ. Чтобы стабилизировать нашу жизнь в бурных водах хаоса, мы договариваемся закрепить ее в метафизических и институциональных «истинах» (Боге, морали, естественном праве, Родине, семье), что опьяняет нас чувством официальности и подлинности, а также даруют возможность сладко спать, зная, что опасность нам не угрожает.

(III) ОТВЛечение. Чтобы наш разум не задумывался о реальности полной ужасов, мы отвлекаем его миром пустяков и прочего чувственного мусора. Это один из самых действенных и популярных методов заговора, требующий только, чтобы люди неотрывно следили за мячом; ну или своими телевизорами, внешней политикой своего правительства, своими научными проектами, карьерой, своим местом в обществе и Вселенной и т.д.

(IV) СУБЛИМАЦИЯ. Чтобы нейтрализовать парализующий ужас перед тем, что может случиться даже с самыми здоровыми телами и умами, мы сублимируем наши страхи, открыто демонстрируя их. В Цапффеанском смысле сублимация — это редчайшая техника из используемых в заговоре против человеческой расы. Призывая на помощь все свое коварство и хитрость, художники и мыслители перерабатывают самые деморализующие и нервирующие аспекты жизни в произведения, в которых худшие судьбы человечества представлены в стилизованной и отстраненной манере для нашего с вами развлечения. Иначе говоря, эти мыслители и деятели искусства создают продукты, которые дают возможность уйти от наших страданий путем их фальшивой имитации — трагической драмы или пустопорожнего философского эссе. Цапффе пишет «Последнего Мессию», чтобы продемонстрировать, что литературно-философская композиция не способна взволновать ни своего создателя, ни кого-либо еще тяжестью подлинных ужасов и лишь дает бледное представление об этих ужасах; так же как плач короля Лира по своей мертвой дочери Корделии не может пронзить аудиторию муками реального события.

Соблюдая все вышеперечисленные принципы, мы можем уберечь себя от излишних мыслей по поводу всех тех поразительных и ужасных происшествий, которые могут с нами произойти. Они (приемы) должны выполняться бессознательно, так как если бы мы их осознавали, то заговор перестал бы работать. Как правило, теории заговора редко вызывают любопытство у «здравомыслящих» людей, сталкиваясь с недоверием и отрицанием. Лучше всего заранее иммунизировать свое сознание от любых поразительных и ужасающих мыслей, чтобы заговор мог продолжаться, чтобы выживать и размножаться как парадоксальные существа — марионетки, которые могут ходить и говорить по собственной воле. На худой конец просто держите свои поразительные и ужасающие мысли при себе. Зарубите себе на носу: никто из нас не хочет слышать, как говорят о тревогах, которые мы держим глубоко в себе. Подавите в себе желание разнести по всему городу весть о своей боли и кошмарах. Похороните свой ужас, не оставив от него и следа. Смиритесь с реальностью; в противном случае реальность обойдется без вас.

В своей докторской диссертации 1910 года³, двадцатитрехлетний Карло Михельштедтер анализировал тактику, которую мы используем для фальсификации собственного существования, обменивая то, кем мы являемся или могли бы быть, на представление о самих себе. Подобно Пиноккио, Михельштедтер хотел стать «настоящим мальчиком», а не продуктом кукольника, который, в свою очередь, тоже не создавал себя, а появился

³ Лиготти ссылается на английский перевод, изданный в 2004 году под названием «Убеждение и риторика»

в результате мутаций, а они, как передает нам Цапффе, основываясь на теории эволюции, лишь серия случайностей, которые постоянно структурируют и реструктурируют все, что существует в мастерской мира. По мнению Михельштедтера, ничто в этом мире не может быть ничем иным, кроме как марионеткой. А марионетка — это всего лишь игрушка, набор частей, собранных вместе как симулякр реального присутствия. Сама по себе она ничто. Она не является цельной и индивидуальной, а существует лишь относительно других игрушек. Также и человеческие игрушки озабочены поддержанием иллюзии реальности друг друга. Подавляя мысли о страдании и смерти, они выдают себя как существа парадоксальные — казуисты, скрывающие от самих себя вопиюще безрадостные возможности, чтобы продолжать жить. В книге «Убеждение и риторика» Михельштедтер подчеркивает парадокс нашего отдаления от самих себя: «человек знает», а потому всегда разделен на свою жизнь и свое знание.

Биографы и критики Микельштедтера предполагали, что его отчаяние по поводу невозможности человечества освободиться от нитей кукловода, в сочетании с некоторыми дополнительными факторами, стало причиной его самоубийства выстрелом из пистолета на следующий день после завершения работы над диссертацией. Микельштедтер не мог принять основополагающий факт человеческой жизни: никто из нас не может контролировать то, кем мы являемся — истина, которая уничтожает всякую надежду, на то, что ты можешь обладать собой (быть «убежденным»), но при этом быть неподвластен жизни, вписывающей тебя в рамки своей нереальности (то, что Микельштедтер своеобразно назвал «риторикой»). Мы определяемся нашими ограничениями; без них мы не можем быть

иметь роли в большом спектакле сознательного существования. И чем больше ограничений мы откинем в нашем видении человеческого сознания, тем дальше мы удалимся от того, что позволяет нам быть личностью среди других личностей в человеческом обществе. Согласно Цапффе, полностью освобожденное сознание открыло бы нам истину о фальшивости самих себя и подвергло боли Пиноккио. Именно демаркация индивида как существа, а не нарушение этих границ, создают его идентичность и сохраняют иллюзию того, что он является чем-то особенным, а не причудой случая и продуктом слепых мутаций. Преодолев все иллюзии и их последствия, обретя абсолютный контроль над тем кем мы являемся, а не тем кем мы должны быть, мы сможем пережить самые неприятные аспекты жизни и смерти, что позволит скинуть оковы нашего самоограниченного «Я». Урок таков: давайте любить наши ограничения, ведь без них никто не смог бы остаться хоть кем-то.

Уничтожение II

Второе из двух главных положений Цапффе — что наш вид должен отказаться от самовоспроизводства, сразу же заставляет нас вспомнить про таких персонажей истории теологии как гностики. Гностическая секта катаров во Франции XII века настолько упорно верила в то, что окружавший мир — это ложь, порожденная злым божеством, что ее члены видели только два выхода: сексуальное воздержание или содомия.⁴ Примерно в этот же период католическая церковь призвала своих священ-

⁴ Похожая секта в Болгарии, богомилы, стала этимологическим источником термина «buggery» (содомия, гомосексуализм), поскольку ее члены практиковали этот способ эротической разрядки.

нослужителей дать обет воздержания, что, впрочем, не мешало им время от времени придаваться сексуальным утехам. Впрочем, смысл этого обета заключался в обретении избранными благодати (и по легенде был обязателен для тех, кто странствовал в поисках Святого Грааля), а не в просветленном управлении репродуктивными кранами и сливами. Во всех остальных случаях, Церковь не советовала своим последователям подражать своему аскетичному основателю, а лишь мудро призывала плодиться и размножаться так обильно, как это только возможно.

Находившийся по другую сторону от теологии гностицизма и католицизма немецкий философ XIX века Филипп Майнлендер (урожденный Филипп Батц) также рассматривал бездетное существование как самый верный путь к искуплению греха прихожан этого мира. Однако для него наше исчезновение не могло быть результатом противоестественного целомудрия, а стало бы естественным явлением, когда мы достаточно эволюционировали, чтобы осознать, что наше существование настолько безнадежно, бессмысленно и неудовлетворительно, что мы перестали бы подчиняться побуждениям к размножению.

Парадоксально, но этой эволюции в сторону отвращения к жизни способствовало бы растущее среди нас счастье. Ускорение же этого движения, к счастью, могло быть достигнуто путем следования поставленной Майнлендером цели достижения всеобщей справедливости и милосердия. И только добившись всех благ, которые только можно получить в жизни, мы поймем, что они меркнут в сравнении с привлекательностью небытия.

Если для обычного пессимиста было бы достаточно лишь упразднения человеческой жизни, то конечной стадией исполнения желаний немецкого философа является полная реализация «воли к смерти», которая, по его предположению, при-

существует во всей материи во Вселенной. Майнлендер изложил эти мысли, (а также другие, не менее впечатляющие) в трактате, название которого было переведено на английский язык как «Философия освобождения» (1876). Неудивительно, что эта работа так и не смогла всколыхнуть философский мир. Возможно, автор получил бы большую известность, если бы, подобно австрийскому философу Отто Вейнингеру в его печально известном исследовании «Пол и характер» (1903), посвятил себя захватывающим размышлениям о мужском и женском, а не об искупительном исчезновении каждого человека независимо от пола (4).

Как и все те, кто провозглашал особый план для всей человеческой расы, Майнлендер не отличался большой скромностью. «Мы не обычные люди, — писал он однажды в третьем лице, — и должны дорого заплатить за право обедать за одним столом с богами». Вдобавок к этому, в его семье бывали и случаи самоубийства. В день публикации своей «Философии искупления» он покончил с собой, возможно, в приступе мании величия, но не менее вероятно, что и в знак капитуляции перед привлекательностью исчезновения, поводом для которого он указал крайне эзотерическую причину — «богоубийство».

Майнлендер был уверен, что воля к смерти, которая, по его мнению, должна была зародиться в человечестве, была духовно привита нам Богом, который в начале времен организовал свое собственное исчезновение. Похоже, что существование вызывало у Бога ужас. К сожалению, Бог был неподвластен времени, а потому единственным средством освободиться для него стало божественное самоубийство.

Однако план Бога покончить с собой не мог осуществиться, пока Он существовал как единая сущность вне простран-

ства-времени материального мира. Стремясь свести на нет свое единство чтобы открыть дорогу к небытию, он разбил себя, подобно Большому Взрыву, на ограниченные временем фрагменты Вселенной: на все те объекты и организмы, которые скапливались в самых различных местах в течение миллиардов лет. Согласно философии Майнлендера: «Бог знал, что он может перейти из состояния сверхреальности в небытие только через развитие многообразного мира реальности». Используя эту стратегию, Он исключил Себя из бытия. «Бог умер, — писал Майнлендер, — и Его смерть стала жизнью мира». После начала великой индивидуации реальности импульс самоуничтожения ее создателя будет продолжаться до тех пор, пока все не окажется исчерпанным в собственном существовании. Для человеческих существ это означает, что чем быстрее они узнают, что мирское благополучие не так хорошо, как это может показаться, тем более счастливыми они вымрут.

Таким образом, воля к жизни, которая, по мнению Шопенгауера толкает мир к его мучениям, была пересмотрена его учеником Майнлендером не только как свидетельство мучительности жизни как таковой, но и как скрытое стремление всех вещей к тому, чтобы как можно быстрее сгореть в огне становления. В этом ключе человеческий прогресс представляется как ироничный симптом того, что наше движение к вымиранию идет полным ходом, потому что чем больше все меняется к лучшему, тем больше оно продвигается к неизбежному концу. И те, кто покончил жизнь самоубийством, как это сделал сам Майнлендер, лишь продвигали божественный план завершения Его Творения; в то время как те, кто заместил себя потомством, препятствовали божественной воле. «Смерть — это переход в ничто; она есть совершенное уничтожение каждого

человека в его сущности и бытии, если конечно предположить, что от него не родилось ни одного ребенка, ибо в противном случае человек продолжит жить в этом». Аргумент Майнлендера о том, что в долгосрочной перспективе небытие превосходит бытие, был собран из его неортодоксального прочтения христианских доктрин и специфического понимания буддизма.

Как известно любому сознательному смертному, христианство и буддизм предполагают уход из этого мира, причем уход в неизвестные и немислимые места. Для Майнлендера таких мест не существовало. Его прогноз заключался в том, что однажды наша воля к выживанию в этой или любой другой жизни будет повсеместно уничтожена сознательным желанием умереть и остаться мертвым, последовав примеру Творца. С точки зрения философии Майнлендера, последний мессия Цапффе был бы не незванным мудрецом, а венцом постбожественной эры. Вместо того чтобы сопротивляться своему концу, как заключает Майнлендер, мы придем к пониманию того, что: «знание того, что жизнь ничего не стоит, является венцом всей человеческой мудрости». В другом месте философ заявляет: «Жизнь — это ад, а сладкая тихая ночь абсолютной смерти — это уничтожение ада».

Космический сценарий Майнлендера может показаться несовместимым с рациональностью, но, тем не менее, он должен заставить задуматься каждого, кто стремится понять смысл Вселенной. Подумайте вот о чем: если что-то вроде Бога существует или когда-то существовало, то что Он не может сделать или, наоборот, отменить? Почему бы Богу не захотеть покончить с Собой, если окажется, что страдание было сутью Его бытия? Почему бы Ему не породить Вселенную, которая является лишь одним большим кукольным спектаклем, разыгранным

Им для того, чтобы оставаться расколотым и разбросанным до тех пор, пока не установится абсолютное небытие? Почему бы Ему не увидеть преимущества несуществования, как это сделали многие из Его творений? Возможно, есть откровение Писания, которое говорит об обратном. Но это еще не значит, что оно было передано надежным рассказчиком. Если Он утверждал, что все хорошо, то это не значит, что Он действительно имел в виду то, что сказал. Возможно, Он просто не хотел оставить плохое впечатление, сказав нам, что отстранился от мира еще до его начала. Одиноким и бессмертным, Он был никому не нужен. Однако, по мнению Майнлендера, Ему нужно было вырваться во Вселенную, чтобы завершить свой проект самоуничтожения, расколов свой ужас на части и передав его своему творению.

На самом деле, первую и последнюю философию Майнлендера можно назвать странной в той же степени, что и любую другую религиозную или светскую этику, предполагающую ценность человеческой жизни. И то, и другое объективно необоснованно и иррационально. Майнлендер был пессимистом, но, как и любой оптимист, он нуждался в чем-то способном укрепить его внутренне ощущение жизни. Никто еще не предложил авторитетной причины, почему человеческий род должен продолжать или прекратить свое существование, пусть и некоторые и убеждены в обратном. Майнлендер был уверен, что у него есть ответ на то, что он считал тщетой и болью существования, и никто не сможет императивно опровергнуть его. С онтологической точки зрения мысль Майнлендера бредовая; в метафорическом смысле, она многое объясняет в человеческом опыте, а практически она может со временем оказаться совместимой с идеей Творения как структуры скрипучих костей, разъедаемых изнутри язвенным измученным мозгом.

Идея, что во вселенском небытии можно найти искупление отнюдь не нова, и Майнлендер лишь облек ее в новую одежду. Для некоторых это такая же заветная мечта, как и вера в загробную жизнь или стремление к совершенству в этой жизни. Потребность в таких идеях проистекает из того факта, что существование — это состояние, не обладающее никакими искупительными качествами. В противном случае никто бы не мечтал об экуменическом несуществовании, мирной загробной жизни или самосовершенствовании (5).

Самогипноз

Среди неприятных моментов человеческого существования есть и та растерянность, которую мы испытываем, когда чувствуем, что наша жизнь лишена смысла в отношении того, кто мы, что мы делаем, и как, по нашему мнению, обстоят дела во Вселенной. Если вы сомневаетесь, что ощущение смысла необходимо для поддержания хорошего самочувствия, то обратитесь внимание на ошеломляющее количество представленных на рынке книг и терапевтических программ, ориентированных на людей, страдающих от недостатка смысла. Причем этот недостаток может быть как ограниченным и локализованным («Я доволен, что моя жизнь имеет смысл, потому что я получил „5“ на экзамене по математике»), так и макрокосмическим («Я доволен, что моя жизнь имеет смысл, потому что Бог любит меня»). Мало найдется читателей книги Нормана Винсента Пила «Сила позитивного мышления» (1952), которые не чувствовали бы неудовлетворенности в том, кем они являются, что они делают, и в целом тем, как, по их мнению, обстоят дела во Вселенной. Были проданы миллионы экземпляров книги Пила

и ее подражаний, и они были куплены отнюдь не теми, кто был удовлетворен количеством или интенсивностью ощущаемых смыслов в своей жизни и, таким образом, своим местом на лестнице «субъективного благополучия»⁵ (6). Мартин Селигман, архитектор позитивной психологии, определяет свое детище как «науку о том, что делает жизнь достойной проживания» и обобщает ее принципы в книге «В поисках счастья. Как получать удовольствие от жизни каждый день» (2002).

Конечно, нет ничего нового в том, что люди ищут в книгах пути достижения счастливой и осмысленной жизни. За исключением священных текстов, возможно, самым успешным пособием по самопомощи за всю историю является книга Эмиля Куэ «Сознательное самовнушение как путь к господству над собой» (1922). Куэ являлся сторонником самогипноза, и нет никаких сомнений в том, что у него было действительно искреннее желание помочь другим вести более благостный образ жизни. Его лекционные туры посещали знаменитости и высокопоставленные лица по всему миру, а на его похороны в 1926 году собрались толпы людей.

Куэ наиболее известен тем, что призывал верующих в его метод повторять следующую мантру: «С каждым днем, во всех отношениях, я становлюсь все лучше и лучше». Как могли его читатели не почувствовать, что их жизнь имеет смысл или вскоре обретет его, если они гипнотизировали себя этими словами изо дня в день? Пусть для всего населения мира быть живым — это неплохо, для некоторых из нас необходимо письменное подтверждение, что это действительно так.

⁵ Понятие, являющееся частью жаргона «позитивной психологии»: движения, вошедшего в моду в начале двадцать первого века благодаря серии книг о том, как почти каждый может вести счастливую осмысленную жизнь.

Большинство существ мира безразлично к смыслу. Но те из нас, кто стоит на высокой ступени эволюции, в полной мере испытывают эту противоестественную потребность, которая в любой философской энциклопедии рассматривается под заголовком «Жизнь: смысл». В своем стремлении обрести смысл человечество дало бесчисленные ответы на вопросы, которые никогда перед ним и не ставились. Но хотя наш аппетит к смыслу может быть на время утолен, мы обманываемся, если думаем, что он исчез навсегда. Могут пройти годы, в течение которых нас не будет беспокоить «Жизнь: смысл». Иногда мы просыпаемся и нечаянно восклицаем: «Хорошо, что я жив». На самом деле эта фраза означает, что мы испытываем острое чувство благополучия. Если бы все люди постоянно пребывали в таком приподнятом настроении, тема «Жизнь: смысл» никогда бы не попала в нашу голову и философские справочники. Но как необоснованное ликование, так более нейтральные оттенки нашего настроения обречены прерваться, либо на время, либо на период всей нашей дальнейшей жизни. Наше сознание, подремав немного в саду беспечности, уколосось о какой-то шип, возможно, о «Смерть: смысл», или спонтанно переключилось на минорный лад из-за капризов химии нашего мозга, погоды или какой-либо иной причины. После этого желание обрести «Смерть: смысл» возвращается; пустота снова должна быть заполнена, а стремление возобновлено.⁶

Возможно, мы смогли бы взглянуть с новой стороны на наше земное пребывание, если бы перестали думать о себе как о существах, которые осуществляют «жизнь». Это слово перегружено коннотациями, на которые оно не имеет права. Вместо

⁶ Подробнее о смысле можно прочитать в разделе «Нелюди», который содержится в следующей главе, «Кто идет туда?».

этого нам следует заменить «жизнь» на «существование» и забыть о том, насколько хорошо или плохо мы ее осуществляем. Ни у кого из нас нет «жизни» в том повествовательно-биографическом смысле, в котором мы обычно понимаем это слово. Все, что у нас есть, — это множество лет существования. Нам не придет в голову сказать, что мужчина или женщина находятся в «расцвете своего существования». Говоря о «существовании», а не о «жизни», мы лишаем последнее слово его таинственности. Кто станет утверждать, что «существовать — это хорошо, особенно если учесть альтернативу»?

Космофобия

Как уже отмечалось ранее, возможно сознание действительно способствовало выживанию нашего вида в тяжелые доисторические времена. Однако по мере того, как оно становилось все более развитым, рос и его потенциал уничтожить все, что нестабильно. В этом и заключается проблема: мы должны либо перехитрить сознание, либо быть брошенными в водоворот тягостной действительности осознанности, и страдать, по выражению Цапффе, от «ужаса перед бытием». Причем не только перед собственным бытием, но и перед бытием как таковым: от мысли, что пространство вокруг нас занято, как кабинка в общественном туалете бесконечных размеров; что существует вселенная, в которой бродят такие вещи, как небесные тела и человеческие существа; что все не существует так, как оно нам является; что мы - часть всех существующих вещей, пока сами не перестанем существовать, если конечно вообще есть что-то, что мы можем понимать как существование, кроме как его видимость или иллюзия видимости.

Исходя из того, что сознание должно быть сбито с толку, чтобы мы могли продолжать жить так, как мы жили все эти годы, Цапффе сделал вывод, что разумнее всего было бы отбросить парадоксальную бессмыслицу попыток подавить наше главное свойство как существ, поскольку мы можем терпеть существование, только если верим, в согласии с комплексом иллюзий и хитрых трюков, что мы не то, чем мы являемся: небытием на двух ногах. Как сознательные существа, мы должны скрывать это откровение, чтобы оно не сломило нас ощущением того, что мы являемся незначимыми, безосновными вещами; мясом, прикованным к ландшафту невыразимых ужасов. Говоря простым языком, мы не можем жить иначе, кроме как обманщики, вынужденные лгать самим себе о самих себе, а также о нашем заведомо проигрышном положении в этом мире (7).

Если принять предыдущие утверждения на веру, по крайней мере, в целях продолжения нашего рассуждения, то окажется, что мы все являемся фанатичными приверженцами четырех техник Цапффе по усыплению сознания: цензура («Быть живым - это неплохо»), фиксация («Единая нация под Богом, с семьями, моралью и естественным правом»), отвлечение («Лучше убивать время, чем убивать себя») и сублимация («Я пишу книгу под названием „Заговор против человеческой расы“»). Эти практики превращают нас в организмы с гибким интеллектом, способными обманывать себя «для своего же блага». Цензура, фиксация, отвлечение и сублимация — вот те хитрости, которые мы используем, чтобы не дать себе развезать те иллюзии, которые поддерживают нас в рабочем состоянии. Без этой когнитивной уловки мы были бы раскрыты такими, какие мы есть. Это было бы все равно, что посмотреть в зеркало и на мгновение увидеть под слоем кожи череп, сардонически скаля-

щийся нам в ответ. А под черепом — только тьма и ничего кроме нее. Здесь кто-то есть, и в то же время нет никого — жуткий парадокс, весь ужас сконцентрировался в одном быстром взгляде. Маленький кусочек нашего мира отслоился, а под ним лишь покинутое запустение — луна-парк, где все аттракционы движутся, но никто из посетителей не занимает места. Мы исчезли из мира, который сами для себя создали. Может быть, если бы мы смогли смело и беспристрастно взглянуть на свою жизнь, то узнали бы, кто мы есть на самом деле. Но это остановило бы аттракцион, который, как нам кажется, будет работать вечно (8).

Пессимизм I

Подобно любому другому тенденциозному образу мышления, пессимизм можно истолковать как причуду темперамента, редкое слово, которое сгодится, пока не подвернется что-нибудь получше. Без особого склада характера, данного пессимистам, они бы не рассматривали существование как полностью нежелательное. Конечно, оптимисты тоже могут изредка испытывать сомнения в ценности существования, но только пессимисты абсолютно уверены в его принципиальной непривлекательности. Если бы вы прервали их в середине экстатического момента (которые бывают порой у пессимистов), и спросили является ли существование в принципе нежелательным, то они бы ответили «конечно» после чего вернулись бы к своему экстазу. Для нас закрыто то, почему они ответят так. Выводы, к которым приводит человека темперамент, независимо от того, являются ли они выводами, опровергающими общемировой мейнстрим, просто не поддаются анализу.

Пессимист, слепленный из той же глины, что и остальные смертные, придерживается тех взглядов, которые, как ему кажется, подтверждают его мысли и эмоции. Думаю, что большинство из нас не только уверено в своей правоте, но и ожидает, что остальные согласятся с нашими представлениями. Пессимисты — не исключение. Но их мало, и они не попадают в поле зрения нашей расы. Не поддаваясь на уговор религий, национальных мифов и семейных ценностей, ставящих во главу угла людей более-менее среднестатистических, пессимисты остаются за бортом истории и средств массовой информации. Не веря в богов или духов, не будучи мотивированными какой-нибудь иллюзией, они никогда не смогут заложить бомбу, совершить революцию или пролить кровь за идею.

Подобно религиям, которые требуют от своих верующих больше, чем они могут отдать, пессимизм — это набор идеалов, которым никто не сможет следовать до конца. Те, кто объявляют пессимизм патологией или интеллектуальным фрондерством, лишь симулируют свою компетентность в объяснении того, что объяснить невозможно: тайны того, почему люди такие, какие они есть. В какой-то степени, однако, этот вопрос не является такой уж загадкой. В конце концов есть черты, которые передаются от родителей — наследие, таящееся в генах одного поколения и способное принести пользу или навредить генам следующего. Именно на этом основании некоторые называют философский пессимизм «дезадаптацией». Эта характеристика кажется бесспорно верной. Тогда следует рассмотреть возможность того, что существует генетический маркер философского пессимизма, который природа практически не выбраковала из нашей расы. Если допустить теорию, что пессимизм слабо передается по наследству и все время ос-

лабеваает, потому что он дезадаптивен, то гены, составляющие ткань обычных людей, возможно, когда-нибудь отпразднуют вечный триумф над генами врожденных пессимистов. Однако все меняется в случае, если Цапффе окажется прав и сознание само по себе дезадаптивно, что делает философский пессимизм правильным решением, несмотря на его непопулярность среди тех, кто думает, что быть живым — это неплохо. Но психобиографы нечасто принимают во внимание то, что является адаптивным или дезадаптивным для нашего вида, когда пишут об избранном представителе якобы вымирающей породы пессимистов. Для них характер субъекта рассматривается в двух плоскостях: (1) история жизненных несчастий, пускай каста пессимистов не имеет никаких эксклюзивных горестей, присущих только ей; (2) упорство в своих заблуждениях — обвинение, которое пессимисты могли бы обратить против оптимистов, если бы *argumentum ad populum*⁷ не была бы любимым мировым софизмом.

Большая часть нашего вида, похоже, способна пережить любую травму без существенного пересмотра своих бытовых установок, включая «все происходит не просто так», «шоу должно продолжаться», «смирись с тем, над чем ты не властен» и любые другие присказки, которые заставляют людей держать высоко голову. Но пессимисты не могут следовать этой программе, и ее положения застревают у них в горле. Для них акт сотворения мира принципиально нежелателен и бесполезен — худшая из всех возможных новостей. Творение пессимистам кажется настолько плохим, насколько же и неправильным и, если бы власть была неразумно передана в их руки, они сделали бы преследуемым по закону создание суще-

⁷ апелляция к большинству

ства, которое может оказаться пессимистом.

Бесправные по своей природе, пессимисты чувствуют, что в этот мир они попали благодаря репродуктивной свободе оптимистов, постоянно озабоченных будущим. В какой бы точке времени человек ни находился, будущее всегда выглядит лучше настоящего, так же как настоящее выглядит лучше прошлого. Сегодня уже никто не напишет, подобно британскому эссеисту начала девятнадцатого века Томасу де Куинси, что: «Четверть всех страданий человека — это зубная боль». Зная, какой прогресс в уменьшении человеческих страданий совершит человечество на протяжении истории, кто бы проклял своих детей на то, что у них будут болеть зубы в начале девятнадцатого века, не говоря уже о тех временах, когда *homo sapiens*, дрожа от холода и с зубной болью был вынужден добывать себе пропитание? К несчастью пессимистов, наши первобытные предки не смогли увидеть, что их время не было временем, когда стоило заводить детей.

Так в какой же момент люди узнали достаточно, чтобы сказать: «настало время завести детей»? Когда мы решили, что достигнут достаточный прогресс в облегчении человеческих страданий, чтобы можно было зачинать детей, не терзаясь муками совести? Беззаботные деньки фараонов и западной античности? Ленивая пора Темных Веков? Цветущие десятилетия Промышленной Революции, а также другие периоды развития промышленности, которые последовали за ней? В эпоху, когда прорыв в стоматологии избавил человечество от четверти его страданий?

К сожалению, мало людей когда-либо испытывали муки совести по поводу рождения детей, потому что все дети рождались в самый лучший период в истории человечества или, по крайней мере, тогда, когда был достигнут наибольший про-

гресс в уменьшении человеческих страданий, а это всегда время, в которое мы живем и жили. Пусть мы и оглядываемся на прошлые времена, считая, что их прогресс в облегчении человеческих страданий был недостаточным для того, что нам захотелось там жить, мы не лучше самых первых homo sapiens верим, что такой прогресс будет достигнут в будущем. И хотя мы уверены в наступлении этого прогресса, мы не чувствуем обиды из-за того, что не можем воспользоваться его плодами. Будущие люди также не будут возмущаться тому, что они не живут в мире своего будущего, потому что к тому времени будет достигнут еще больший прогресс в уменьшении человеческих страданий в медицине, социальном обеспечении, политическом устройстве и других областях, которые почти всеми рассматриваются как те, в которых жизнь человека может быть улучшена.

Наступит ли когда-нибудь такой момент в нашем пути к уменьшению страданий, когда люди смогут честно сказать себе: «Без сомнения, настало время заводить детей»? И действительно ли этот момент когда-нибудь наступит? Никто не скажет и даже не захочет думать, что наступит пора, когда люди будущего оглянутся на его время и будут благодарить звезды за то, что они не жили в этот варварский век, в котором зачинали детей несмотря на такой малый прогресс в уменьшении человеческих страданий. В свою очередь, непопулярное мнение пессимиста звучало бы так: «Никогда не было и не будет времени, когда можно заводить детей. Сегодня навсегда останется для этого худшим днем». Более того, пессимист посоветовал бы каждому из нас не заглядывать слишком далеко в будущее, иначе мы увидим укоризненные лица еще не рожденных, которые смотрят на нас из сияющего тумана своего небытия.

Пессимизм II

В своем объемном исследовании «Пессимизм» (1877) Джеймс Салли писал, что «справедливую и правильную оценку жизни следует искать во взглядах, которые не склоняются ни к благоприятному, ни к неблагоприятному полюсу». Этим утверждением Салли допустил ошибку в своем вполне компетентном исследовании предмета. Люди являются либо пессимистами, либо оптимистами, и между двумя лагерями вряд ли возможен компромисс. Более того, люди насильно заставляют себя выбрать ту или иную сторону. Для пессимистов жизнь — это то, чего не должно существовать, а значит ее место обязано занять отсутствие жизни, ничто, небытие, пустота несотворенного. Любой же, кто выступает в защиту жизни как того, что непременно должно быть, полагая, что нам не было бы лучше не родиться, вымереть или вечно прозябать в небытии, может смело называть себя оптимистом. Здесь невозможны промежуточные варианты: ты либо есть, либо тебя нет. В практическом смысле это по всей видимости означает, что мы являемся расой оптимистов с момента зарождения человеческого сознания и, как безумные, стремимся к благоприятному полюсу.

Более элегантно, нежели Салли, подошел к вопросам пессимизма американский романист и философ Эдгар Солтус, чьи работы «Философия разочарования» (1885) и «Анатомия отрицания» (1886) придутся по вкусу тем, кто жить не может без произведений пессимистического, нигилистического или пораженческого толка. По мнению Солтуса, «справедливая и правильная оценка жизни» неизбежно определила бы человеческую жизнь как то, чего не должно быть. С подобным абсолютистским стандартом пессимизма спорят «героические» пессимисты, или, скорее, героические «пессимисты». Они со-

глашаются с неблагоприятной оценкой жизни, но не принимают необходимость ее полного исчезновения. Так, в своей книге «Трагический смысл жизни людей и народов» (1913) испанский писатель Мигель де Унамуно говорит о сознании как о болезни, порожденной конфликтом между рациональным и иррациональным. Рациональное отождествляется с выводами сознания, прежде всего с пониманием, что все мы когда-нибудь умрем. Иррациональное же представляет собой витальную сторону человечества, включая всеобщее стремление к бессмертию в физическом или духовном смысле. Сосуществование рационального и иррационального превращает человеческий опыт в борьбу противоречий, перед которыми мы можем склонить голову в покорности или бросить им тщетный, но героический вызов. Сам Унамуно являлся сторонником пути героического сопротивления, полагая, что человечество обладает достаточной силой, как для физической борьбы, так и для духовной.

Джошуа Фoa Дьенстаг, автор книги «Пессимизм: философия, этика, дух» (2006), также проповедует здоровый, героический пессимизм (кавычки подразумеваются). Он признает удручающую подноготную жизни, но отказывается от пессимистического радикализма, полагая, что движение к лучшему будущему осуществимо на личном и общественном уровне. На стороне этой группы «не падающих духом» выступает также и Уильям Брашир, чья книга «Опустошение реальности» (1995) оставляет возможность искупления, пусть и частичного, с помощью того, что он называет «трагическим гуманизмом». Трагический гуманизм признает «очевидную незначительность человеческой жизни, но также и необходимость действовать так, как будто это на самом не правда, сознательно питая и поддерживая ле-

жащие в основе иллюзии ценностей и порядка». Как мы питаем и поддерживаем иллюзии ценности и порядка в нашей жизни, нам уже поведал Цапффе в книге «Последний Мессия». Но как мы можем питать и поддерживать по своему желанию то, что заведомо считаем иллюзией, не прибегая при этом к завету благородного притворства, не было объяснено ни Браширом, ни другими сторонниками подобного *façon de vivre*⁸. Относясь к другому, в сравнении с антинатулистом Цапффе, классу пессимизма, Унамуно, Дьенстаг и Брашер презирают существование лишь в полсилы, солидаризируясь с людьми, которые считают себя достаточно взрослыми, чтобы смело принимать удары судьбы. Это позволяет им вписать свои положения в уже существующий статус-кво. Очевидно, что они сочувствуют пессимистичному стремлению к изничтожению жизни, но отнюдь не одобряют его. Однако предложение Унамуно, Дьенстага и Брашеара, которое якобы должно решить проблему пессимиста, ставит нас в ту же парадоксальную зависимость, которую Цапффе видит во всем человеческом существовании: жизнь с претензией на то, что быть живым — это неплохо. Разница лишь в том, что эта троица сознательно соглашается с притворством, от которого обычные люди, как правило, уклоняются, потому что даже простые смертные иногда вынуждены это притворство признавать. Впрочем, обычно они не задумываются об этом достаточно долго, чтобы сделать свое открытие предметом философской гордости и петь из-за него дифирамбы в свою честь.

Философскую линию Унамуно, Дьенстага и Брашера продолжает французский писатель-экзистенциалист Альбер Камю. В своем эссе «Миф о Сизифе» (1942) он представляет недостижимую цель вынесенного в заглавие персонажа как оправда-

⁷ Образа жизни

ние решения продолжить жизнь, вместо того чтобы покончить с собой. «Нам следует считать, что Сизиф счастлив» — настаивает Камю, комментируя мрачную притчу, в которой герой катит валун на вершину горы, откуда оный, к отчаянию труженика, раз за разом срывается к подножью. Таким образом, credo отца церкви Тертуллиана: «Верую, ибо абсурдно», можно с полной уверенностью применить к убежденности Камю в том, что быть живым — это неплохо; ну или достаточно неплохо, пусть, возможно, и абсурдно. Мы по праву можем определить этих двух мыслителей в один лагерь. В этом ключе, застрявшее между иррациональными выкриками карфагенянина и интеллектуализмами француза предложение Цапффе по тушению света человеческого рода дает нам противоядие от наших экзистенциальных недугов. Причем противоядие бесконечно более удовлетворительное, нежели у Тертуллиана или его аватара Камю, последний из которых размышлял о самоубийстве как о философском выборе для индивидуума, но не рассматривал преимущества тотального уничтожения всего вида. Возможно, Камю не затрагивал этот вопрос ввиду непрактичности последнего. Однако, в конечном счете, его настойчивое желание представить Сизифа счастливым оказалось столь же непрактичным, сколь и бесчестным. Подобно Унамуну, Дьенстагу и Брашеру, Камю верил, что мы можем предположить такой взгляд на жизнь, который позволит найти утешение в самом факте трагичности и бессмысленности человеческого существования. Возможно, сам Камю и был способен принять такое мировоззрение (по крайней мере до момента своей гибели в автокатастрофе), но он, должно быть, шутил, полагая его как возможное или даже обязательное для всего остального мира.

Достаточно глупо сетовать на то, что пессимистические писатели редко оцениваются по достоинству, становясь предметом осуждения. Так, некоторые критики пессимистов думают, что припирают их к стенке, когда издевательски заявляют, что: «если этот человек действительно так себя чувствует, то ему следует либо убить себя, либо прослыть лицемером». Заявление о том, что пессимист обязан покончить с собой, чтобы жить в соответствии со своими идеалами, выдает настолько скудный интеллект, что подобное даже не заслуживает ответа. Однако этот ответ мы все же дадим. Если кто-то пришел к выводу, что количество страданий в этом мире таково, что любому человеку было бы лучше никогда не рождаться, то это не значит, что в силу логики или стремления к искренности он обязан убить себя. Это лишь означает, что он пришел к выводу, что количество страданий в этом мире таково, что любому человеку было бы лучше никогда не рождаться. Другие могут не согласиться с этим, оставшись при своем мнении. Однако им стоит признать, что они ошибаются, если считают, что их позиция менее противоречива нежели у пессимистов.

Естественно, бывают пессимисты, предпочетшие самоубийство клейму лицемера, однако ничто не обязывает их делать такой выбор. Действительно, добровольный уход из жизни может быть воспринят как крайняя форма нигилизма. Но здесь не все так просто, ведь любое отрицание дополняется или незаметно запускается утвердительным духом. Мы не можем принять или даже произнести беспрекословное «нет». Последние слова Люцифера на небесах, возможно и были «*non serviam*»⁹, но никто не служил Всемогущему так покорно, ведь Его заоблачное шоу никогда бы не привлекло клиентов, если

⁹ Не буду служить

бы не аттракцион дьявольского ада на земле. Только катато-ники и коматозники способны полностью отстраниться от гула жизни. Без утвердительного «да» в наших сердцах невозможна никакая амбиция. А массово покончить с существованием было бы самым амбициозным начинанием из всех возможных.

Большинству кажется, что стремление к жизни проявляется только в покоряющих горы пенсионерах и построении национальных империй. Такой образ мышления попросту наивен, пусть и поддерживает наш боевой дух: ведь нам нравится представлять, что и мы сможем ходить горными тропами, когда нам будет за восемьдесят, или жить гражданами государства, построившего империю. Поэтому заявления критиков, которые говорят, что пессимист должен или покончить с собой, или прослыть лицемером, имеют смысл только в мире открытых и скрытых оптимистов. Поняв это, пессимист может избавиться от необходимости страдать еще больше, выслушивая нападки со стороны «нормальных людей» — конфедерации достойных существ, поддерживающих оптимистический заговор. То, что эти люди «нормальные» еще не значит, что они не страдают и не убивают себя. Возможно, они оканчивают жизнь самоубийством даже чаще, нежели пессимисты. Также это не значит, что они лицемерят, когда говорят, что факт их рождения — благо, только лишь чтобы покончить с собой. Проблема в том, что, когда нормальные люди совершают суицид, они перестают быть нормальными, в независимости от того, что они заявляли до этого. Ведь нормальные люди не убивают себя, а до самой смерти считают, что быть живым — это неплохо и что выделенного счастья хватит и на последующие поколения людей, которые будут такими же нормальными, как и все предыдущие.

Роковая ошибка

Каждый пессимист согласен с тем, что сознание — это экзистенциальное бремя. Это бремя было охарактеризовано Цапффе как ошибка слепой природы, приведшая человечество в черную дыру логики. Чтобы выжить, мы должны поверить в то, что не являемся противоречивыми существами, продолжение существования которых только ухудшает нашу незавидную участь мутантов, воплощающих искаженную логику парадокса. Только отказавшись от деторождения мы сможем исправить эту роковую ошибку. Можно ли в таком случае представить экзистенциальную задачу срочнее, порыв разумней, нежели наше самоуничтожение? В конце концов, мы можем провести своеобразный «мысленный эксперимент». Все цивилизации приходят в упадок. Все виды рано или поздно умирают. Существует даже срок годности самой Вселенной. Очевидно, что человечество постигнет та же участь. Но мы можем стать теми, кто ускорит свой уход из жизни, совершив его задолго до того, как земля будет усыпана нашими трупами. Можем ли мы знать мельчайшие подробности жизни тех, кто пришел до нас и отблагодарим ли мы их за усилия, которые они проявляли для сохранения нашего рода? Можем ли мы эксгумировать и воскресить их остатки, пожать им костлявые руки и пообещать передать будущим поколениям благословение жизни? Нам кажется, что наше обещание — это то, что они, хотели бы услышать. И точно также мы бы хотели услышать его от наших далеких потомков, когда уже они пожимали бы наши костлявые руки.

Природа совершает ошибки; в этом ее путь. Таков и наш путь. Так что если мы и ошибаемся, считая сознание злом, то стоит ли излишне по этому поводу переживать? Наше самоустранение с этой планеты все равно было бы великолепным

решением, подвигом настолько ярким, что он затмил бы само Солнце. Так что мы теряем? Никакое зло не будет сопутствовать нашему уходу из этого мира, а многие известные нам пороки исчезнут вместе с нами. Зачем же откладывать то, что стало бы сияющим венцом нашего существования?

Конечно, в истории не только сознание нарекалось ошибочным, но, например, и вся жизнь как таковая. Так, в романе «Хребты безумия» американского писателя Г. Ф. Лавкрафта, один из героев упоминает первобытный миф о «Спустившихся со звезд Великих Древних, что придумали земную жизнь то ли по ошибке, то ли в качестве шутки». Мифология Шопенгауэра также работает непосредственно с жизнью, представляя ее как сплетение мучений.

Жизнь представляется отнюдь не как дар для наслаждения, но как задача, как тяжкий труд, который нужно выполнять; и в соответствии с этим мы видим во всем великом и незначительном всеобщую нужду, непрестанные заботы, постоянный натиск, бесконечную борьбу, принуждение к деятельности, крайнее напряжение всех сил тела и ума. Миллионы людей, объединившись в народы, стремятся к общему благу, а каждый человек — к своему собственному; но многие тысячи падают жертвой ради него.

То бессмысленные заблуждения, то интриги политиков подстрекают нас к войнам друг с другом; тогда кровь и пот великого множества людей льются ради идей единиц или искупления их грехов. В мирное же время цветет торговля и промышленность, изобретения совершают чудеса, моря бороздятся кораблями, деликатесы собираются со всех концов света, а волны поглощают тысячи людей.

Одни толкают и подгоняют, другие действуют; суматоха неопишима. Но какова конечная цель всего этого? Поддержание преходящих и измученных личностей в течение короткого промежутка времени; в лучшем случае удовлетворение их нужды и избавление от боли, которые, однако, сменяются тоской; воспроизводство этой расы в ее борьбе. В этой очевидной диспропорции между трудом и наградой воля к жизни представляется нам объективно как глупость, а субъективно как заблуждение, охваченное которым все живое работает с максимальным напряжением своих сил ради того, что не имеет никакой ценности. При более внимательном рассмотрении мы обнаружим лишь слепой натиск, тенденцию, совершенно лишенную основания или мотива¹⁰.

Здесь Шопенгауэр прямо говорит нам, что для человека существование сравни состоянию демонической мании, а воля к жизни — это дух, владеющий «преходящими и измученными личностями». В других своих работах он называет сознание «случайностью жизни». Промах. Ошибка. Неужели за нашей радостью и горем скрывается лишь эволюционный просчет?

Аналогии

Шопенгауэра можно по праву назвать великим пессимистом, и не в последнюю очередь потому, что в его работах присут-

⁹ Мир как Воля и Представление. Перевод выполнен по фрагменту английского перевода за авторством Р. Б. Холдейна и Ж. Кэмп, на который ссылается Лиготти.

ствуует значительная степень особого пессимистического воображения. Как уже отмечалось ранее, прозрения Шопенгауэра описывают философскую сверхструктуру, в центре которой находится Воля, — слепая, глухая и немая сила, толкающая людей на путь их несчастий. Пусть система мысли Шопенгауэра настолько же сложна для усвоения, как и другие выкладки философов-систематиков, сложно не признать, что в каком-то смысле все живые существа ведут себя точно в соответствии с его философией. Организмы, словно игрушки, продолжают бежать, заведенные неведомой силой, — будь это воля, *élan vital*¹¹, *ánima mundi*¹², физиология, психология или сама природа. В пессимистической философии подлинной реальностью облают только эти силы, но не объекты, приводимые ими в движение. Конечно, если эти объекты обладают сознанием, то им может казаться, что они самостоятельные личности, распоряжающиеся собственной судьбой, но, в конце концов, они остаются всего лишь марионетками.

В этом и состоит ключевой мотив пессимистического воображения, отчетливо сформулированный Шопенгауэром: за кулисами жизни скрывается нечто разрушительное, что превращает наш мир в кошмар. Для Цапффе это была эволюционная мутация, приведшая нас к трагедии. Для Микельштедера — *philopsychia* (любовь к своей душе), заставляющая нас существовать как нереальности, — или соглашаясь с позитивными иллюзиями о себе, или не принимая себя вовсе. У Майнлендера роль оккультного мастера играет воля к смерти, — бурный поток, вызванный самоубийством Бога, который дергает нас за ниточки и заставляет кружиться в причудливом танце. У Бан-

¹⁰ Жизненная сила, жизненный порыв (понятие из философии Анри Бергсона)

¹¹ Мировая душа.

сена, в свою очередь, бесцельная сила вдыхает во все проклятие жизни, пожирая его часть за частью, изрыгая жизнь саму в себя и постоянно обновляя меню своей трапезы. И даже у тех, кто только подозревает, что в устройстве жизни что-то не так, но не может облечь это в слова, искаженные тени страдания и смерти будоражат воображение, усыпленное светом успокоительной лжи.

Хорошей аналогией этого разрушительного нечто, наличие которого за кулисами жизни ощущает пессимист, является «зловещее присутствие», управляющее миром хоррор-фантастики. По правде говоря, было бы корректней говорить о множестве миров хоррор-фантастики, поскольку они отличаются от автора к автору, аналогично тому, как различаются взгляды на корень зла человечества у пессимистических философов. Даже в рамках одного произведения могут быть предложены несколько источников губительного влияния, превращающего наш мир в кошмар; однако общим местом остается сам факт ситуации, в которой переворачивается наше представление о реальности.

Так, в романе «Ивы» британский писатель двадцатого века Алджернон Блэквуд предполагает, что в природе содержится некая вредоносная сила. Его герои сплавляются в небольшой лодке по Дунаю и разбивают ночной лагерь на острове, заросшем ивами. Ивы здесь выступают в качестве символического центра пространства острова, на котором природа демонстрирует путникам свой зловещий облик, одолевая их таинственными знаками и звуками. Рассказчик пытается объяснить, почему именно ивы пугают его больше всего, несмотря на наличие более очевидных опасностей, связанных с погодными условиями, сложившимися в тот день на Дунае.

Наверное, половодная река всегда наводит на мысли о чем-то зловещем. Вполне вероятно, что многие из маленьких островков к утру будут уже сметены. Этот неустойчивый, гремящий поток вызывал чувство подлинного благоговения перед силой стихии. И все же я понимал, что мое беспокойство лежит гораздо глубже, чем мое восхищение или страх. Дело было вовсе не в том, что я чувствовал. Оно также не было напрямую связано и с буйством ветра, — этого кричащего урагана, который с легкостью мог бы поднять в воздух несколько акров ив и разбросать их по земле. Ветер просто наслаждался собой, ведь ничто на равнине не могло помешать ему, и я осознал, что разделяю его великую игру с каким-то приятным волнением. Однако мое беспокойство не имело ничего общего с ветром. Действительно, чувство беды, которое я испытывал, было настолько темным, что невозможно было определить его источник и справиться с ним, пусть я и каким-то образом понимал, что оно связано с нашей полной ничтожностью перед этой необузданной мощью стихий. Огромная разлившаяся река также имела к этому какое-то отношение. Меня посетила смутная, неприятная мысль, что мы заигрались с великими стихийными силами, во власти которых находились каждый момент дня или ночи. И вот теперь, уже они играли с нами в свою гигантскую игру, и это зрелище поражало воображение.

Но мои эмоции, насколько я мог их понять, были связаны в первую очередь с ивовыми кустами, — с этими бесконечными акрами, кишашими повсюду, куда только мог дотянуться глаз; давящими на реку, словно желая задушить ее; стоящими плотным массивом миля за ми-

лей; наблюдающими; ждущими; слушающими. Ивы тонко связали себя с моим недомоганием, коварно атакуя разум в силу своей огромной численности и пытаюсь каким-то образом представить воображению новую и отнюдь не дружественную нам могущественную силу.

Тайна зловещей силы, которую олицетворяют ивы, так и остается неразгаданной. Однако, в конце рассказа двое путешественников замечают в стремительном потоке реки утопленника, на теле которого отпечатался «их знак», — углубления такой же формы, как и те песчаные воронки, что им довелось наблюдать по всему острову. Чем бы не была эта сила, она нашла свою жертву и удовлетворилась ею. Герои были спасены ценой чужой жизни. То, что превращает наш мир в кошмар, на время проявило себя и вновь скрылось за занавесом мира.

В этом и есть мотив сверхъестественного хоррора: нечто в самой своей сути ужасное выходит на передний план и заявляет свои права на ту реальность, которую мы считаем нашей и только нашей. Это может быть восставший мертвец или эзотерическое чудовище, как в рассказах М. Р. Джеймса. Это может быть результат научного эксперимента с непредвиденными последствиями или вовсе доселе невиданное существо, как в романах Артура Мачена «Великий бог Пан» и «Белые люди». Это может быть отвратительный знак другого измерения, обнаруженный среди страниц мистического тома, как в «Желтом знаке» Роберта У. Чемберса. Да и в конце концов, это может быть весь мир как таковой, как у Эдгара Аллана По, — пространство чистой безысходности, пронизанное глубоким чувством невыразимой тоски.

Обнаруженный Шопенгауэром фирменный мотив был от-

ражен в произведениях великого множества самых различных хоррор-писателей. Однако наиболее последовательно он был провозглашен Лавкрафтом, — образцом среди литературных деятелей, озабоченных немислимим, или по крайней мере тем, о чем большинство смертных боится даже задуматься. Описывая Азатота, это «ядро хаоса», что «бурлит в центре всей бесконечности», Лавкрафт вполне мог подразумевать и «волю» Шопенгауэра. В рассказах Лавкрафта гибельное нечто, превращающее наш мир в кошмар, индивидуализируется в лингвистически избыточные и противоречивые сущности, прибывшие из-за пределов нашей Вселенной. Подобно духам или нежити, их сверхъестественный и извращенный способ существования пугает нас как нарушение тонкой границы между тем, чему должно или не должно быть.

Жизненные принципы

С философской точки зрения Лавкрафт был убежденным научным материалистом. Тем не менее, он являл собой яркий пример человека, не понаслышке знакомого с экстатическим чувством, которое в другом контексте можно было бы квалифицировать как бы как «духовный» или «религиозный» опыт. Несмотря на это, с самого детства он придерживался строго атеистических убеждений. В своих лекциях, собранных под названием «Разновидности религиозного опыта» (1902), Уильям Джеймс утверждает, что чувство «онтологического откровения» и «переживания Космоса» доказывает легитимность религиозной веры (9). Однако, как в своих художественных работах, так и в письмах, Лавкрафт дает совсем другое обоснование подобному чувству. Для Лавкрафта ощущение космического откровения или, выражаясь словами Эдмунда Берга, «спокойствия с

оттенком ужаса», являлось основой его заинтересованности в продолжении жизни. Сублимируя свое понимание Вселенной как небытия в движении, он смягчал терзающую его тоску, отвлекаясь на грезы об «удивительных открытиях, странностях и вторжении космического, незванного и мистического в прозаическую сферу уже известного».

Находясь по другую сторону эмоциональной и духовной пропасти, французский ученый и христианский философ Блез Паскаль писал о своем чувстве «мимолетности существования, погруженного в вечность, которая была до меня и пребудет после, о ничтожности пространства, не только занимаемого, но и видимого мною, растворенного в безмерной бесконечности пространств, мне неведомых и не ведающих обо мне, я трепещу от страха. Меня ужасает вечное безмолвие этих бесконечных пространств!». Для многих людей естественно ужасаться «безмерной бесконечностью пространств, мне неведомых и не ведающих обо мне». Подобный страх перед огромными пространствами и пустотами носит название «кенофобии». Впрочем, в отличие от Паскаля, Лавкрафта сложно назвать кенофобом. Вполне возможно, что нам стоит изобрести понятие «кенофилии» для объяснения того чувства «онтологического откровения» и «переживания Космоса», что испытывал Лавкрафт, созерцая пределы неизведанного.

Будучи сложной и противоречивой фигурой, Лавкрафт имел привычку двусмысленно отвечать на вопросы, касающиеся ценности существования. Однако, в своем письме к Эдвину Бэрду, первому редактору журнала «Weird Tales», он позволил себе несколько замечаний, которые позволяют однозначно классици-

цировать его как пессимиста, чуждого всем утешениям, что известны простому люду. Эти замечания заслуживают отдельного цитирования:

Популярные авторы не понимают и, видимо, никогда не смогут понять, что истинное искусство можно обрести, лишь полностью отвергнув условности и всяческую нормальность, тем самым подойдя к теме, полностью очищенной от любой обыденной или предвзятой точки зрения. Какими бы безумными и оригинальными они ни считали свои работы, факт остается фактом: вся их экстравагантность — это фасад, за которым они лишь воспроизводят шаблонные сюжеты, ведомые банальными мотивами. Все их художественные решения пронизаны удушающим смрадом обыденности, — будь это борьба добра со злом, телеологические иллюзии, слащавые сентименты или психологический антропоцентризм. Но пытался ли кто-нибудь из них писать историю с позиции, что человек — это всего лишь грязь на задворках космоса, которую должно искоренить? К примеру, один мой знакомый молодой человек недавно сообщил, что собирается написать рассказ об ученом, желающем поработить мир, и который для достижения своей цели выводит и развивает микробов, вызывая эпидемии на манер египетской чумы. Я сказал ему, что, пусть эта тема и многообещающая, она теряет всяческую оригинальность, если приписать ученому обыденный мотив. Нет ничего необычного в желании овладеть миром; Александр, Наполеон или Вильгельм II также хотели сделать это. Вместо этого стоит предложить героя, содрогающегося от болез-

ненной и бешеной ненависти к самому принципу жизни, который хочет стереть с планеты все следы биологических организмов, включая и самого себя. Это было бы довольно необычно. Но, в конце концов, одной лишь оригинальной идеи недостаточно. Невозможно написать действительно экстраординарную историю, не достигнув полной психологической отстраненности от человеческой суеты. Не менее важна и волшебная призма воображения, что наполняет тему тревожными и гротескными искажениями, характерными для лихорадочных видений. Только циник может создать подлинный ужас, ибо за каждым таким шедевром должна стоять движущая демоническая сила, презирующая человеческий род и все его иллюзии, жаждущая разорвать их на куски и высмеять.

Главная ценность этого письма в том, что оно демонстрирует нам Лавкрафта как перфекциониста в вопросах космического разочарования. Однако, помимо разочарованности в мире, существовала и другая сторона его противоречивой личности, — желание укрыться от того, что он называл «своим цинизмом» (а также «космическим пессимизмом») в мире утешительных иллюзий и фиксаций. Одной из таких фиксаций было его сентиментальное погружение в прошлое. Особенно дорог ему был традиционный образ жизни, олицетворяемый архитектурными остатками Новой Англии семнадцатого и восемнадцатого веков. Старые города с извилистыми улочками, дома с полукруглыми фрамугами¹³ и другие открыточные образы новоанглийского быта вызывали у Лавкрафта эстетические пе-

¹³ Горизонтальная верхняя часть окна, подобная форточке, а также боковая или верхняя часть проема двери.

реживания, часто перетекавшие в мистику «крови и почвы». Гордый житель Новой Англии, Лавкрафт рос и жил среди многочисленных напоминаний о прошлом, которое он идеализировал. Его привязанность к исторической Новой Англии уравновешивала его увлечение далекими пределами пространства и времени, в сравнении с которыми давно ушедшие культурные формы являлись лишь малоценными, мимолетными и случайными событиями. Маленькие причудливые окна очаровывали Лавкрафта ничуть не меньше, нежели отчаянная отчужденность от человеческого быта. И даже в самые мрачные дни цинизма и пессимизма, он искренне ценил эту сторону своей личности, вкрапляя ее в свои произведения.

Как и большинство из нас, Лавкрафт находил свое утешение в иллюзорных ценностях, и продолжал он это делать до тех пор, пока смерть не настигла его в результате сочетания рака кишечника и болезни Брайта. Несмотря на желание развеять в своих произведениях грандиозные заблуждения человечества по поводу его места во Вселенной, Лавкрафт сам оставался жертвой обмана. Подобно Цапффе или Шопенгауэру, он также искал приятные развлечения, способные отвлечь от того, что последний философ называл «суестью и страданием жизни». Более того, может даже показаться, что в последние годы жизни Лавкрафт значительно смягчился. В письмах к своим друзьям и коллегам он заявлял, что оставил свой цинизм и пессимизм позади и стал «индифферентистом», то есть тем, кто воспринимает Вселенную лишь как поток частиц, которому бессмысленно давать оценку. К радости ценителей хоррор-литературы, индифферентистская позиция Лавкрафта не требовала от него прекратить писать о пагубных вещах, что подрывают рассудок

любого, кто узнает об их существовании. Пройдя путь от пессимизма к безразличию, Лавкрафт сохранил свою очарованность идеей чего-то губительного, что превращает наш мир в кошмар. Поэтому, по всей видимости, в своем индифферентизме он недалеко ушел от образа мысли человека, способного посоветовать своему другу написать про «героя, содрогающегося от болезненной и бешеной ненависти к самому принципу жизни, который хочет стереть с планеты все следы биологических организмов, включая и самого себя». Ах если бы нашелся человек, способный воплотить в жизнь подобное желание. Тогда Земля, наконец, могла бы быть «очищена», как завещал нам Уилбур Уили в своем дневнике из «Ужаса Данвича».

Привлекательность трудов Лавкрафта и его единомышленников обычно объясняют естественной склонностью человеческого характера, здоровой жадой нашей души выйти за пределы обыденного существования. Однако очевидно, что зачастую эта благородная мотивация большинства не разделяется всеми поклонниками всего ужасного и необычного. Так, в своей лекции «О болезненности», входящей в серию работ, посвященных сущности сверхъестественного ужаса, ученый, подписывающийся не иначе как «профессор Никто» (крайне красноречивый и дерзкий псевдоним), предлагает свой анализ подобного атипичного индивидуума, что искренне «содрогаются от ненависти к самому принципу жизни». С его точки зрения, пусть ощущение ужаса и способно оказать «ободряющий» эффект на подобных людей, по большей части влияние остается негативным, лишь укрепляя их антипатию по отношению ко всему живому. Впрочем, дадим профессору возможность высказаться самому:

Изоляция, умственное и эмоциональное напряжение, маргинальные увлечения, лихорадочные припадки и отказ от нормального быта: это лишь некоторые из многих упражнений, практикуемых теми, кого мы можем назвать «болезненным человеком». И наша тема сверхъестественного ужаса является жизненно важной частью его программы. Отступая от мира здоровья и здравомыслия, или, по крайней мере, от мира, который ежедневно предлагает ему эти товары приобрести, болезненный человек ищет укрытия за кулисами жизни. Он забивается в угол, где гуляют прохладные сквозняки и царит вековая затхлость. Именно в этом углу он строит из битых осколков своего воображения горький мир руин, пронизанный запахом склепа.

Но этот мир не является романтическим прибежищем для темных духов. Поэтому давайте на мгновение осудим его глубокое уныние. Нет имени для «греха», что сотворил болезненный человек, но кажется, что он сам есть нарушение какой-то глубоко укоренившейся морали. Болезненный человек, похоже, не несет добра ни себе, ни другим. И пусть мы знаем, что хандра и мрачные мысли вполне сгодятся в качестве гарнира к яствам существования, он превратил их в свои фирменные блюда! На любые же обвинения в свой адрес он отвечает неизменным: «И что с того?».

Подобный ответ предполагает, что болезненному человеку видится, что его пороку можно предаваться без стеснения, перенося в одиночестве все его преимущества и недостатки. Но как сеятель смуты, пусть даже и в своей собственной душе, болезненный человек высту-

пает симптомом разложения не только индивидуальной, но и коллективной сферы бытия. А потому он подвергается осуждению, ведь распад, как и любое становление, вредит всем. «Я невиновен!» — кричит болезненный человек. «Нет, виновен!» — отвечает толпа. Обе позиции имеют сомнительное происхождение: одна — от обиды, другая — от страха. Когда же моральные дебаты по этому вопросу неизбежно заходят в тупик, происходит переход к психологической полемике. Позже обнаруживаются и другие углы, с которых можно атаковать эту проблему, и их оказывается достаточно для того, чтобы занять нас на всю оставшуюся жизнь. Тем временем, болезненный человек продолжает растрачивать свою жизнь во вред, пока в конце концов, среди бешеных ветров и тусклого лунного света, он не канет в небытие, так же, как и все его критики.

Уничтожение III

Задав кому-нибудь вопрос о том, счастливы ли они, в подавляющем большинстве случаев мы услышим положительный ответ. Конечно, можно заподозрить, что людям стыдно признаваться в собственном несчастье, а значит те, кто заявляют о своем счастливом мироощущении, вполне могут и лгать. Однако не стоит обвинять их в неискренности. Люди действительно хотят быть счастливыми и верят, что это счастье предопределено. И если какой-то философ заявит, что они никогда не смогут быть счастливы, поскольку само сознание обрекло их на это, то он просто не будет допущен к дискуссии. Особенному же остракизму будет подвергнут тот, кто посмеет заявить о необходимости прекращения деторождения по причине того, что наши

дети также никогда не смогут достигнуть счастья, а значит, их можно уберечь хотя бы от опыта несчастья. Посмотрим, что на эту тему пишет Цапффе:

Итак, вы спрашиваете, выбрал ли бы я остаться нерожденным? Необходимо родиться, чтобы иметь возможность выбирать, и каждый выбор подразумевает утрату. Спросите моего брата вон в том кресле. Да, оно пустует; мой брат покинул нас раньше, чем смог занять на нем свое место. Его дух носится подобно ветру под небесами, разбиваясь волнами о берег, вдыхая запах травы, упиваясь собственной силой. Полагаете ли вы, что он страдает из-за своей неспособности встать в очередь на подачки жилищно-сберегательного кооператива города Осло? А вы когда-нибудь скучали по нему? Оглянитесь в переполненном дневном трамвае и подумайте, позволили бы вы слепой лотерее выбрать одного из измученных тружеников в качестве того, кого стоит отправить в этот мир. Люди не обращают внимание на то, как один человек выходит, а двоя садятся. Трамвай жизни продолжает катиться дальше. (Фрагменты интервью, Aftenposten, 1959)

Сложно закрыть глаза на то, что те, кому не суждено родиться, не способны испытать несчастье. Для оптимистов этот факт не играет никакой роли в их экзистенциальных вычислениях. Для пессимистов, однако, он является аксиомой. Неважно, призывает ли пессимист нас жить «героически», с ножом в нутре, или осуждает жизнь за то, что она не стоит того, чтобы ее жить. Важно то, что он не скрывает, что боль — это великая проблема, которую должна решать философия.

Однако, решение возможно лишь при справедливой оценке дисбаланса между болью и счастьем, что позволило бы нам сделать выбор в пользу предпочтительности существования или несуществования. Несмотря на то, что до сих пор не было приведено ни одного неопровержимого доказательства нежелательности человеческой жизни, пессимисты и по сей день изнуряют себя попытками его привести. У оптимистов нет аналогичной миссии. Если они и приводят доводы в пользу существования, то только в качестве ответа пессимистам, утверждающим обратное. Впрочем, доказательства оптимистов также не могут похвастать своей неопровержимостью. Но у них есть значительное преимущество. Оптимизм всегда являлся негласной политикой человеческой культуры; по крайней мере той ее части, что выросла из животных инстинктов выживания и размножения. Он по умолчанию заложен в нашей крови и не может быть эффективно преодолен нашим разумом или подвергнут сомнению на основании непрерывно переносимой нами боли. Это объясняет, почему в любой момент истории каннибалов оказывалось больше, чем философствующих пессимистов.

Для оптимистов человеческая жизнь никогда не нуждается в оправдании, ведь они всегда могут сказать себе, что все наладится, независимо от того, сколько боли им пришлось стерпеть. В свою очередь, для пессимистов не существует такого количества счастья (если бы, конечно, оно существовало как что-то кроме заблуждения), которое могло бы скомпенсировать наши жизненные страдания. В качестве крайнего примера пессимист может привести боль, причиненную каким-либо природным или антропогенным катаклизмом. От оптимиста потребуется определенная изобретательность, чтобы найти гедонистический аналог ужасов, который сможет оправдать подобные ка-

таклизмы. Впрочем, подобный аналог все еще возможно найти. И причина, по которой это можно сделать, заключается в том, что невозможно установить формулу для измерения пропорций боли и счастья в мире. Именно поэтому споры пессимистов и оптимистов обречены заходить в тупик. Если же такая формула однажды будет сформулирована, то либо первым, либо вторым пришлось бы уступить своим противникам.

Свою попытку оценки пропорции страдания и счастья в человеческой жизни предложил южноафриканский философ этики Дэвид Бенатар. В своей книге «Лучше не быть: о вреде рождения» (2006) Бенатар убедительно доказывает, что чаша весов нашего выбора должна склоняться в пользу отказа от деторождения, поскольку некоторое количество страданий неизбежно для тех, кто уже родился, в то время как невозможность достижения счастья не может являться проблемой для нерожденных. Именно поэтому глашатаи оптимизма виновны в причинении страданий, а следовательно, нарушают любую мыслимую систему морали и этики. В этом случае, возможная степень причиненного страдания не имеет значения. Граница морали уже нарушена самим фактом рождения нового «маленького соковища».

Считается, что у людей, которые подобно Бенатару заявляют, что «идеальное население Земли равно нулю», нездоровая психика. Еще больше подчеркивает это предполагаемое «нездоровье» аргумент Бенатара о том, что роды не только вредны, но и должны рассматриваться как настолько катастрофическое событие, что нет такого счастья, которое смогло бы его уравновесить. В конце концов невозможно представить себе греха хуже, чем тот, что повлек за собой мир, полный боли. Спросите

Уильяма Джеймса об одной из этих великих болей, которой он дал название «меланхолия», и о том, как с ней обычно справляются здоровые взрослые люди.

Подход игнорирования зла в пользу жизни в свете добра великолепен до тех пор, пока он работает. Он будет продолжать работать для гораздо большего количества людей и гораздо чаще, чем мы в принципе склонны предполагать. И в случаях его успешного применения, против него, как религиозного решения, невозможно ничего возразить. Но он оказывается бессильным перед лицом меланхолии. Более того, даже если представить себе человека, от нее избавленного, нет сомнения, что позитивный образ мыслей неадекватен как философская доктрина, потому что злые факты, которые он отказывается позитивно объяснять, являются неотъемлемой частью нашей реальности. Можно даже предположить, что они являются ключом к смыслу нашей жизни, позволяя открыть самые глубокие уровни истины.

Обыкновенный процесс жизни содержит моменты, не уступающие по накалу самой отчаянной меланхолии; моменты, в которые радикальное зло являет себя во всем своем ужасающем великолепии. Все невероятные видения безумца укорены в материи фактов повседневной жизни. Наша цивилизация основана на руинах, и каждое отдельное существование гаснет в одиноком спазме беспомощной агонии. Если же вы протестуете, мой друг, то подождите, очередь дойдет и до вас. (Разновидности религиозного опыта, 1902)

Джеймс сам страдал от меланхолии, но смог полностью от нее излечиться. С тех пор он начал положительно или, по крайней мере, двусмысленно относиться к жизни, отвечая утвердительно на вопрос «Стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить?». Однако, в силу своей интеллектуальной честности он признавал, что никакая логика не способна поддержать это мнение. С точки зрения Джеймса, уверенность в благодати жизни может внушить только самозабвенная вера в высший порядок существования. Тогда каждое страдание окажется осмысленным, подобно тому, как вивисекция живой собаки казалась бы оправданной для животного, если бы только оно могло понять, каким благим целям служит его боль для высшего порядка человеческого существования. В своей лекции «Стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить?» Джеймс высказал мнение, что человеческие существа, в отличие от собак, могут представить себе более высокий порядок существования, чем их собственный, что дает возможность узаконить худшие невзгоды земной жизни. Джеймс был тем редким философом, что не верил только лишь в логику. И эта позиция была несомненно мудрой, поскольку незавидна судьба тех, кто пытается отстаивать свое мнение с одной лишь ее помощью.

Неудивительно, что те, кто предпочитают «существование» тому, чтобы «никогда не существовать», отвергают логические доводы Бенатара как ошибочные, тем более что его выводы не поддерживаются консенсусом нормальных людей. Однако морально-этическое порицание Бенатаром воспроизводства доказывает, что продолжение человечества не является общепризнанным благом само по себе, и что можно найти даже современных авторов, готовых нарушить оптимистический статус-кво. Это также напоминает нам о том, что никто не мо-

жет доказать, по крайней мере с морально-этической и логической точек зрения, что рождение является несомненным благом. А значит, несмотря на то что большинство людей считают, что быть живым — это неплохо (и альтернатива этому убеждению их не привлекает), правильность принуждения новых людей к жизни — это всего лишь вопрос мнения.

Подавление

В своей работе «Последний Мессия» Цапффе писал: «Вся жизнь, что мы можем наблюдать перед своими глазами, до самой глубины пронизана репрессивными механизмами, социальными и индивидуальными; их можно проследить вплоть до самых элементарных формул повседневной жизни».

Четверка формул, которые Цапффе выделил в качестве индивидуальных и социальных механизмов подавления, вероятно, самая банальная из всех, которые он мог выбрать. Вполне возможно, что это было сделано намеренно, по причине того, что они так хорошо нам знакомы и крайне отчетливо проявляются в нашем повседневном существовании. Эти механизмы связаны с психоаналитической теорией бессознательного подавления. Однако, они также опрометчиво доступны и нашему сознанию, что заставляет людей с избыточным весом или потребителей табака прикидываться дурачками, когда они поглощают кекс или курят сигарету. Аналогичное притворство разыгрывают и солдаты, что рискуют жизнью и конечностями ради некоей высшей цели, — своей страны, своего бога и т. д. Ни один человек, что собрался умирать (то есть каждый), никогда не признается, что он просто тянет время, разыгрывая старый спектакль, позволяющий отвлечься от мыслей о смерти и

тех неприятностях, которые могут ей предшествовать. Чего уж говорить про художников, что бережно держат эстетическую дистанцию, боясь быть скованными реальностью, которую они якобы «воплощают в жизнь».

Как только механизмы подавления становятся явными, память о них должна быть стерта, или новые механизмы должны заменить старые, чтобы мы могли оставаться под защитой нашего кокона лжи. В противном случае мы будем молить о пощаде утром, днем и вечером, вместо того чтобы повторять, что с каждым днем, во всех отношениях, мы становимся все лучше и лучше. Порою мы даже сами признаемся в использовании различных уловок, что позволяют нам заставить себя делать то, что мы делаем. Однако, подобные признания являются лишь более высоким уровнем самообмана и парадокса, а вовсе не доказательством пребывания на вершине некоей мета-реальности, где мы, наконец, сможем убедиться в собственной подлинности. Мы убеждены, что знаем, что нас ждет в этой жизни. Но мы не знаем. И не можем знать, если хотим выжить и размножиться.

Попытка человечества обмануть себя в интересах своего же вида сопровождается бесчисленным количеством литературы, посвященной самообману, отрицанию и подавлению (10). Естественно, что никто из тех, кто работает в этой области исследований, не считает, что человеческая жизнь — это такой бесконечный круг самообмана, отрицания и подавления. Они полагают, что знают, как из него можно выбраться. Однако, с позиции Цапффе, мы не можем разорвать петлю самообмана, не заплатив за это дорогую цену. Большинство из нас вынуждено ограничивать свое сознание, что является трагедией чело-

веческого рода, если кто забыл. Те же, кто не смогут этого сделать, будут страдать от последствий.

Некоторые люди, изучающие самообман, отрицание и подобные им явления, считают, что это здоровые практики в тех случаях, когда они способствуют нашему счастью без ущерба для благополучия наших братьев. Они говорят о них как о «полезных вымыслах» или «позитивных иллюзиях» и превозносят их как фундамент существования человека и общества. Так, в своей книге «Жизненно важная ложь, простые истины: психология самообмана» (1996) Дэниел Гоулман изучал, как люди и группы намеренно искажают факты, чтобы избавиться от враждебности и беспокойства в своем сообществе. Другие авторы утверждают, что практики самообмана слишком комплексны, чтобы их можно было адекватно проанализировать. Особенно сложны для понимания случаи, когда самообман используется для оправдания самых чудовищных деяний путем искусного отрицания оных. (Стэнли Коэн, Состояния отрицания: что нужно знать о жестокости и страданиях, 2001). И наконец, многие из исследователей полагают, что мы вообще не способны на самообман, поскольку мы не можем сознательно знать что-то и одновременно не знать этого.

Впрочем, некоторые мыслители считают, что они нашли решение для этого предполагаемого парадокса. Одним из таких мыслителей является Кент Бах, предложивший в своей работе «Анализ самообмана» (1981) три способа избежать нежелательных мыслей, одолевающих наше сознание: рационализация, уклонение и глушение. Каждый из этих способов позволяет держать субъекта в неведении относительно реального положения дел. Несложно заметить, что они повторяют обнаруженные Цапффе механизмы изоляции, фиксации и отвле-

чения. Однако, в отличие от Цапффе, у которого каждый человек по природе и необходимости является ложным и парадоксальным существом, вынужденным ограничивать собственное сознание для сохранения рассудка, Бах не распространяет свои три категории самообмана на весь человеческий род.

В своей книге «Почему мы лжем: эволюция и бессознательный разум» (2007) Дэвид Ливингстон Смит рассматривает социальные и индивидуальные механизмы самообмана с точки зрения эволюционной психологии. Такой подход приводит его к выводу, синонимичному диагнозу Цапффе о человечестве как о парадоксе. Тезис Смита заключается в том, что когда-то в далеком прошлом человеческий разум разделился на сознательную и бессознательную части, чтобы лучше обманывать себя и других в целях адаптации. Это делает гипотезу Смита о процессе отрицания равнозначной психоаналитической теории подавления. В глубине души Смит действительно является психоаналитиком, что следует из его заявления о том, что «постоянно присутствующая возможность обмана является важнейшим аспектом всех человеческих отношений; в том числе и наших отношений с самим собой». Чтобы практиковать подобное при творство, необходимо притупить сознание обманщика, что может подразумевать отрицание и подавление не только правды человеческой жизни, но и самого процесса сознания как такового. Таким образом, Смит практически солидаризируется с позицией Цапффе, согласно которой:

Человек осуществляет более или менее осознанное подавление своего пресловутого избытка сознания. Этот процесс происходит постоянно в часы нашего бодрствования и является необходимым требованием для правильной социальной адаптации и всего того, что обычно

называют здоровой и нормальной жизнью.

Психиатрия также исходит из предположения, что все «здоровое» и «жизнеспособное» находится на одном уровне с высшими личностными функциями. Депрессия, «страх жизни» или отказ от питания воспринимаются как признаки патологического состояния и лечатся соответствующим образом. Часто, однако, подобные явления могут являться посланиями от более глубокого, более искреннего чувства жизни, горькими плодами гениальности мысли или чувства, что лежат в основе анти-биологических устремлений. Это не болезнь души, а сбой ее защиты или даже отказ от нее, воспринимаемые как предательство высшего потенциала эго.

Спор между психоаналитическим «бессознательным обманом» Смита и «осознанным подавлением» Цапффе на самом деле иллюзорен. Не так важно действительно ли мы осознаем существование механизмов подавления, или они действуют полностью бессознательно. И для Смита, и для Цапффе они приводят к одному и тому же, — сокрытию реального. Еще одной общей чертой этих двух авторов является несоответствие их идей критерию научности. Сложно сказать, сможем ли мы вообще когда-нибудь подвергнуть такие концепции научной проверке. А без подобных доказательств, как известно, глупо рассчитывать на поддержку среди ученых, философов и простых смертных. Смит, однако, похоже не совсем понимает этого и на последних страницах своей книги выражает надежду, что человек однажды сможет стать «настоящим», отбросив свои иллюзии. Цапффе, в свою очередь, в конце «Последнего Мессии» продемонстрировал безоговорочный скептицизм по поводу того, что это

может когда-нибудь произойти. Возможно, Смиуте стоило бы подумать о том, чтобы отбросить уже свои иллюзии по поводу возможности стать «настоящим», учитывая, что человечество всегда найдет повод пребывать в самообмане. Нам не стоит надеяться на установление утопии, в которой мы перестанем подавлять и отрицать реальность. Да и кто, кроме пессимиста, может желать такой утопии?

Эффективность сознательных механизмов подавления анализировалась с разных сторон, особенно в связи со страхом смерти. Перечисление традиционных стратегий борьбы с танатофобией представлено в книге «Выбери жизнь: как победить страх умереть» (2002) Томаса С. Лангера. Хотя подзаголовок этой книги предполагает, что она сконцентрирована непосредственно на процессе умирания, она скорее посвящена страху смерти, а не тем страданиям и ужасу, что могут ее сопровождать. Можно даже сказать, что, как и многие подобные книги, работа Лангера сосредоточена на жизни, а не на смерти или умирании, которые кажутся лишь смутными и маловероятными событиями, покуда человек жив.

ВРАЧ: «Боюсь, у вас неоперабельная опухоль, и жить вам осталось недолго»

ПАЦИЕНТ: «Это невозможно. Я чувствую себя совершенно здоровым»

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: «С сожалением сообщая, что ваш муж попал в дорожно-транспортное происшествие. Он мертв»

ЖЕНА: «Этого не может быть. Он вышел из дома всего десять минут назад»

Конечно, через некоторое время и больной раком, и потерявшая мужа женщина приходят в себя. Вынося за скобки возможность сойти с ума и другие патологические реакции, принятие своего нового состояния кажется самым обычным процессом (при условии, конечно, что человек проживет достаточно долго, чтобы принять его, и не умрет раньше от неоперабельной опухоли). Средства массовой информации и массовая культура всю жизнь кормят нас подобными трагическими поворотами. Но мы по-прежнему не прислушиваемся к старой поговорке: «Надейся на лучшее, но готовься к худшему». Вместо этого мы надеемся на лучшее и верим, что обречены на успех. Если бы мы действительно готовились к худшему, то быстро бы сошли с ума или проявили иную патологическую реакцию, задолго до того, как несчастье произошло бы с нами или нашими близкими. И это было бы действительно наихудшим развитием событий.

Страдание I

Почти все писавшие о смерти философы, изучали эту тему абстрактно, игнорируя все те неприглядные и осязаемые вещи, что ждут нас у ее постели. Если уж смерть и заслуживает свое место в философском словаре, то только как подкатегория статьи о страдании и его значении. Последнему, впрочем, уделяется крайне малое внимание за пределами моральной философии и этики, относительно безобидного интеллектуального времяпрепровождения в сравнении с логикой, эпистемологией и онтологией. Философии же, что берут на себя смелость онтологизировать страдание, взять его в качестве своего всеобъемлющего предмета, обычно не получают должного внимания со стороны аналитических типов, которые оставляют его на откуп или религиям, таким как христианство и буддизм, или пессимистам.

Большинство относительно современных философов уклоняются от того, чтобы сказать что-либо о страдании. Только Шопенгауэр и некоторые другие реликты до-модерновой эпохи были готовы пойти до конца и занять жесткую позицию в отношении его значимости для всей человеческой жизни. Исключением из этого правила был британский философ австрийского происхождения Карл Поппер, посвятивший проблеме человеческих страданий часть своей работы «Открытое общество и его враги» (1945). Вкратце, он переработал утилитаризм британского философа XIX века Джона Стюарта Милля, который писал, что: «Действия правильны в той мере, в какой они способствуют счастью, и неправильны в той мере, в какой они способствуют противоположности счастья». Поппер переделал позитивный утилитаризм Милля в негативный, позицию которого он емко изложил следующим образом: «Область этики станет намного более ясной, если мы будем формулировать наши требования негативно; то есть если мы будем требовать устранения страданий, а не содействия счастью» Доведенная до своего логического и наиболее гуманного завершения, позиция Поппера требует полной ликвидации всех страдающих в настоящее время, а также тех, кто потенциально может страдать, появившись на свет. Что еще может означать «устранение страдания», если не полное уничтожение жизни как его причины? Очевидно, что сам Поппер не зашел так далеко, чтобы потребовать устранения нас как вида. Однако повторяя известное замечание Р. Н. Смарта (Mind, 1958), это единственный вывод, который можно сделать из негативного утилитаризма.

В «Последнем Мессии» Цапффе не ставит задачу избавиться от

страданий и уж тем более не считает, что это избавление может быть достигнуто путем коллективного решения человечества прекратить свое существование. Он был далек от суицидальных устремлений катаров и богомилов, хотя и осуждал варварство социальных и религиозных запретов на самоубийство. Повторю еще раз: мысль Цапффе — это, прежде всего, дополнение к размышлениям тех, кто решил, что сознательное существование настолько одиозно, что вымирание предпочтительнее выживанию. Она также ценна тем, что дает новый ответ на старый вопрос: «Почему поколения нерожденных должны быть спасены от попадания в человеческую мясорубку?». Но то, что можно было бы внести в философские справочники под заголовком «парадокс Цапффе», так же бесполезно, как и положения любого другого мыслителя, что жонглировал понятиями чтобы выяснить, что есть реальность и можем ли мы когда-нибудь туда попасть или стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить. Тем не менее, мы можем закрыть глаза на эту бесполезность. Мера философской мысли заключается не в качестве ответов или поставленных ею проблем, а в том, насколько хорошо она способна оживлять умы других, играясь с этими ответами и проблемами. В этом блеск и нищета риторики. Спросите любого убежденного пессимиста, но не надейтесь, что он ждет, что вы воспримите его всерьез.

Страдание II

Возможно главной претензией, которую можно предъявить философскому пессимизму, является то, что его главной и единственной темой является человеческое страдание. Последнее, как известно, находится в конце списка навязчивых идей наше-

го вида, лишь отвлекая нас от того, что действительно имеет для нас значение: добра, красоты и сверкающего чистотой туалетного бачка. Для пессимиста любое познание, которое не имеет в качестве мотива прояснение природы страдания и его устранение, в основе своей является всего лишь развлечением, независимо от того, принимает ли оно форму концептуального исследования или физического действия в мире. И под «человеческими страданиями» пессимист подразумевает не конкретные невзгоды и их облегчение, а факт страдания как таковой. Можно найти лекарства от некоторых болезней, можно попытаться избавиться от социально-политического варварства. Но это лишь временные меры. Человеческие страдания останутся неизбежными до тех пор, пока существуют люди. Единственное по-настоящему эффективное решение — это то, о котором говорится в «Последнем Мессии» Цапффе. Может быть, это и не самое желанное решение для любителей полумер, но оно навсегда положит конец страданиям, если мы когда-нибудь задумаемся целью это сделать.

Одно из пессимистических кредо заключается в том, что несуществование никогда никому не причиняло вреда, а существование, наоборот, вредит всем. Наша личность может и является иллюзорным творением сознания, но наша боль, тем не менее, реальна. Будучи видом, стремящимся к выживанию, мы измеряем наши успехи количеством лет, на которые мы смогли продлить нашу жизнь. Уменьшение страданий в этом случае является лишь побочной целью. Мы больны желанием оставаться в живых почти при любых обстоятельствах. Но нет ничего более нездорового, чем стремление «следить за своим здоровьем» с целью отсрочить смерть. Те издержки, на которые мы готовы пойти, чтобы оттянуть свой последний вздох, сви-

детельствует лишь о болезненном страхе перед этим событием. В отличие от этого, наш страх перед страданиями неполноценен. Поэтому шекспировский Эдгар и заявляет, что: «И хуже может стать // Пока мы стонем: „Вытерпеть нет силы“, // Еще на деле в силах мы терпеть»¹⁴ Официально признано, что нет судьбы хуже смерти. Неофициально таких судеб множество. Для некоторых людей просто жить с мыслью о том, что они умрут, — участь похуже самой смерти.

Долголетие, без сомнения, имеет первостепенное значение в нашей жизни, а поиск лекарства от смерти — наш навязчивый проект. Любыми способами мы должны продлить наше земное существование. И как же мы преуспели в этом начинании. Теперь нам не нужно втискивать себя в два или три десятилетия; наша жизнь размазана на семь, восемь или даже девять десятков лет. Продолжительность жизни неодомашенных млекопитающих не изменилась, в то время как наша выросла в разы. Каков триумф человеческой расы. В сравнении с нами другие теплокровные формы жизни просто лодыри, не ведающие насколько на самом деле быстролетна жизнь. Время истечет и для нас, и для них, но мы вольны хотя бы мечтать, что когда-нибудь сможем сами выбирать свой срок. Тогда, возможно, мы все погибнем от одного и того же: смертельного пресыщения нашим долголетием в мире, ставшем угрожающе бесполезным.

Намного более привычно в данном контексте было бы увидеть эпитет «бессмысленный», нежели «беспольный». Причина именно подобного подбора слов состоит в том, что «бессмысленность» неразрывно связана с понятиями ценности и значимости; умаляя их, она обретает нежелательный экзи-

¹⁴ У. Шекспир, Король Лир, пер. Б. Пастернака

стенциальный окрас. «Бесполезный» же, с другой стороны, лишен подобного философского флера. В других местах этой работы мы уже пытались объяснять пессимизм в категориях отсутствия смысла. Но загвоздка в том, что «бессмысленность» — это слишком мягкое слово для описания подлинно пессимистического характера существования. Слишком часто задается вопрос: «Есть ли смысл продолжать жить?». Подобное употребление слова «смысл» вызывает впечатление множества значимых и ценных переживаний, которые, будучи расположены определенным образом, позволят предположить, что жизнь все-таки не совсем бессмысленна. В свою очередь, при слове «бесполезный» духи ценности и значимости не так охотно поднимают свою голову. Впрочем, подобный подход также можно обвинить в недостаточной жесткости. Именно по этой причине к слову «бесполезный» было добавлено наречие «угрожающе», что позволило придать ему большую смысловую нагрузку и добавило необходимую долю язвительности. Но для адекватного выражения чувства бесполезности всего сущего необходима неязыковая модальность, некое излияние из сна, которое объединило бы все градации тщетности и без слов передало бы нам бессодержательность существования как такового. Не имея таких средств коммуникации, нам остается лишь мечтать о возможности выразить подлинный дух пессимистического мировосприятия.

Большинство людей имеют веские причины на то, чтобы считать, что существование не бесполезно. Каждый из нас живет в определенных оценочных рамках, и бесполезность выходит далеко за их пределы. Картофелемялка не бесполезна в случаях, когда человек хочет размять картофель. Также и си-

стема бытия, которая включает в себя загробную жизнь вечно-го блаженства, может оказаться полезной для некоторых людей. Они заявят, что такая система оправдана по причине того, что она дает им надежду, необходимую для того, чтобы продолжать жить. Она является частью их оценочной рамки и не выходит за ее пределы, так же как картофелемялка является лишь частью другой рамки и полезна только в том случае, когда вам нужно размять картофель. Как только вы войдете в потусторонний мир вечно-го блаженства, вера в загробную жизнь потеряет всяческую пользу. Ее задача будет выполнена, и все, что у вас останется, это нескончаемое удовольствие, — рай для гедонистов и либертинов. Но в чем же тогда польза? С таким же успехом вы могли бы вообще никогда не существовать ни в этой жизни, ни в загробной. Любое существование бесполезно. Ничто не может оправдать само себя. Любое оправдание возможно только в релятивистском смысле.

Некоторые люди безразлично относятся к картофелемялочному релятивизму. Другие же, наоборот, хотят мыслить абсолютами. Так, у апологетов авраамизма есть некоторые претензии на абсолютную картофелемялку в центре их системы бытия. Для буддистов же, в свою очередь, не существует абсолютов, а следовательно, у них не может быть таких претензий. Все, что им нужно, это осознать истину «взаимозависимого возникновения», которая означает, что все связано со всем остальным в великой сети картофелемялок, которые постоянно взаимодействуют друг с другом. Однако, главный просчет буддистов заключается в том, что они не понимают, что этот принцип является единственной действительно полезной вещью в их учении. Они надеются, что если им удастся преодолеть этот горб, то они будут навечно освобождены от страданий, и эта наде-

жда нужна им, чтобы продолжать жить. Согласно буддийским убеждениям, каждый, кто не видит, что мир — это всего лишь угрожающе бесполезная картофелемялка, обречен на страдание. Однако это не ставит буддистов выше сторонников авраамических религий. Это лишь означает, что у них есть другая система, позволяющая выжить в мире, где все, что нам остается делать, это ждать, пока гнилое дыхание смерти ударит нам в ноздри. Когда же это произойдет, до пользы уже никому не будет дела. Спросите любого атеиста.

Экоцид

Несмотря на то, что Цапффе считал себя философом (пусть и зарабатывал на жизнь он написанием стихов, пьес, рассказов и юмористических произведений), большинству он известен как ранний эколог, популяризовавший термин «биософия» как название дисциплины, которая должна была расширить горизонт философии, включив в него интересы других живых существ, отличных от человека. В этом качестве он служит вдохновением для многих защитников окружающей среды, что беспокоят о благополучии Земли и ее организмов. Однако здесь возникает неизбежный вопрос, не является ли экологизм просто еще одним сговором, направленным на сокрытие отвратительных фактов жизни? В конце концов вандализм в отношении окружающей среды — это всего лишь побочная реакция на отказ человечества заглянуть в нутро бытия.

По правде говоря, мы далеко ушли от нашей естественной экологии. Нас постоянно зазывают воображаемые миры смыслов. Мы живем в среде, достойной бытия «нереальностей», где нет земли, воздуха и воды, а колыбельная песнь иллюзий каждый раз побеждает мрачную логику. Впрочем, некоторые из

наиболее воинственных защитников окружающей среды согласны с Цапффе в том, что мы должны добровольно прекратить свое существование. Но их пропаганда всечеловеческого суицида, как стратегии спасения Земли от разграбления людьми, не упоминается в «Последнем Мессии» и, вероятно, не подразумевалась самим автором. Каким бы привлекательным ни был пакт о всеобщем самоубийстве, зачем принимать в нем участие только ради сохранения этой планеты, этого тусклого пятна в черноте космоса? Природа создала нас, ну или, по крайней мере, санкционировала нашу эволюцию. Она вторглась в неорганическую пустошь, открыв на ней свое производство. В результате получился мрачный трудовой лагерь, где ничто никогда не находится в состоянии покоя, непрерывно рождаясь и умирая. Так по какой же милости мы должны простить природе этот первородный грех?

В ходе своего развития природа сотворила множество ошибок. Исправлять же их отдали от откуп естественному отбору. Возможно, и наш вид однажды падет его жертвой. Можно, впрочем, предположить, что у природы есть особый план для человека, и она придумала нас, чтобы по частям отвергнуть саму себя, уподобившись Богу Майнлендера. Идея, конечно, необычная, но далеко не самая странная из тех, что нам довелось слышать. Мы можем, по крайней мере, принять эту гипотезу и посмотреть, к чему она приведет. Вполне возможно, что когда-нибудь у нас даже получится ее доказать. Но пока этого не произошло, мы не можем следовать парадоксальному плану природы, предполагающему разграбление Земли как способ достигнуть на ней лучшей жизни.

Не мы создали себя, и не мы создали мир, где все организ-

мы неумолимо подталкиваются болью к выживанию и размножению, получая взамен лишь жалкие крохи удовольствия. Если мы не возьмем дело в свои руки, то эта пытка будет продолжаться до тех пор, пока последняя клетка не вымрет на задворках выгребной ямы нашей галактики. Так почему бы не помочь природе ускорить ее самоубийство? Не мы создали среду, неблагоприятную для нашего вида, и не мы водрузили на себя всю тяжесть ужасов сознания. За неимением божества, на которое мы могли бы возложить за это ответственность, пусть природа возьмет вину за все наши беды. Мы пытались очеловечить ее, романтизировать, впустить в свое сердце. Но природа упорно держалась в стороне, предоставив нас самим себе. Ну и пусть. Мы оплатим ей той же монетой. Как только мы покинем пределы Земли, мы взорвем этот проклятый шарик из космоса. Только так мы сможем быть уверены, что его зловоление не последует за нами вслед. Пусть спасается, если, конечно, сможет; осужденные знамениты той эквилибристикой, что они исполняют, пытаясь избежать приговора. Если природа неспособна уничтожить порожденную ею же угрозу, то пусть она погибнет вместе со всеми доведенными ею до боли живыми существами.

Безнадежность

«Последний Мессия» Цапффе заканчивается насмешливо-сократовским пародийным заявлением главного героя: «Познайте себя — будьте бесплодны и оставьте после себя землю в безмолвии». Его паства, впрочем, не очень хорошо восприняла эти слова: «И когда он заговорит, они схватят его, ведомые производителями сосок и акушерками, и погубят его». Строго говоря, Последний Мессия не является мессией как таковым,

поскольку он не спасет ни одной живой души и будет вычеркнут из человеческой памяти группой линчевателей, ведомых повивальными бабками. Да а и маловероятно, что в будущем он может рассчитывать на воскрешение.

Объяснить, почему человечеству не стоит больше оставаться на Земле, это совсем не то же самое, что и уверовать в то, что с этим согласятся другие. Из-за этого духа безнадежности, что пронизывает эссе Цапффе, нам не хочется представлять себе мир, где план по добровольной самоликвидации человечества мог бы осуществиться. Не смог представить такой мир и сам автор «Последнего Мессии», ведь в таком случае ему бы пришлось бы изобразить новое человечество, что, как известно, прерогатива уже научной фантастики, а не философской эссеистики.

Впрочем, вообразить себе новых людей вполне возможно. Им совсем необязательно быть сверхразвитыми причудливыми организмами, живущими далеко в будущем. Достаточно того, чтобы они, также как и Цапффе, понимали, что уход нашего вида с мировой сцены благотворно повлияет на судьбу еще не родившихся. Вымирание является несомненно сложной задачей, но отнюдь не невыполнимой. Сам Цапффе оптимистично предполагал, что гипотетические представители нового человечества смогут освободиться от тягот бытия в течении всего нескольких поколений. Этот прогноз выглядит вполне реалистично. По мере уменьшения своей численности, оставшиеся люди оказались бы самыми привилегированными и обеспеченными персонажами в истории нашего вида. Пресытившись же материальными благами, человечество будет ведомо лишь одним мотивом, — помочь друг другу в достижении конца. Возможно, эти бескорыстные благодетели в вопросах прекраще-

ния существования даже улыбнутся друг другу. В конце концов, сколько бы людей ускорили своей процесс исчезновения, если бы эвтаназия была декриминализована и предлагалась в гуманной и даже приятной форме?

Какое же это облегчение — закрыть книгу человечества. Однако ее не нужно обязательно захлопывать. До тех пор, пока мы будем продолжать двигаться в направлении сокращения нашего поголовья, можно позволить парам изредка зачинать новых представителей человеческого рода, по мере того как миллиарды будут превращаться в миллионы, а затем и в тысячи. Новые поколения будут узнавать о прошлом и, также как и предыдущие, радоваться тояму, что им повезло родиться во времена наибольшего количества удобств и лекарств. Можно даже предположить, что они продолжают играть в ковбоев и индейцев, полицейских и грабителей, менеджеров и подчиненных. Последние из нас смогут достичь совершенства в этих играх; стать лучшими из тех, кому когда-либо довелось ходить по Земле, великими образцами человечества, которыми мы мечтали стать, пока не осознали, что люди — это всего лишь стадо, постоянно ищущее новобранцев.

Вполне естественно, что подобный образ конца времен покажется отвратительным тем, кто лелеет надежду на лучшее будущее, которое сможет оправдать их развратное безразличие к боли, что ждет их потомство. Это также может показаться романтизированной утопией, поскольку те, кто обычно предсказывают серьезные изменения в самовосприятии человечества (Карл Маркс и др.), также полагают и то, что революция в этике сможет расцвести только с принятием их «истин». Хуже того, возможный проект окончательного решения человеческих страданий может оказаться лишь прикрытием для тира-

нической олигархии, ведомой жадной геноцида, нежели социальным и психологическим прибежищем для вида, решившего ограничить свое пребывание на Земле. Возможно, Цапffe бессмысленно упражнялся в формулировании положений «Последнего Мессии», но он был достаточно прозорлив, чтобы избрать для него безнадежный финал. Человечество всегда было и будет неспособно взять на себя ответственность за собственное освобождение. Заблуждения навечно останутся с нами, делая страх, боль и отрицание того, что находится прямо перед твоим носом, предпочтительным стилем жизни, который будет передаваться бесчисленным поколениям.

Реакция на исследования канадского ученого Майкла Персингера может быть рассмотрена как свидетельство невероятной упертости человечества в желании держаться своих старых привычек. В 1980-х годах исследователь модифицировал мотоциклетный шлем таким образом, чтобы он воздействовал своим магнитным полем на мозг его владельца, вызывая тем самым множество самых необычных ощущений. Одним из таких ощущений было чувство присутствия различных сверхъестественных сущностей, включая призраков и богов.

Атеисты использовали исследования Персингера для того, чтобы подкрепить свои аргументы в пользу субъективности ощущения сверхъестественного. Однако, верующие также не остались в стороне, заявив в своих работах, что влияние магнитного поля на наше восприятие лишь доказывает существование Бога, изначально «вшитого» в наш мозг. Вокруг этого и других подобных экспериментов даже выросла целая область исследований под названием «нейротеология». Даже если вы сможете подкрепить научную теорию дубиной эксперимен-

тальных данных, «святая оппозиция» обратит ее против вас.

Для писателей сверхъестественного хоррора этот тупик выгоден тем, что он гарантирует, что большая часть человечества навсегда останется в состоянии страха, будучи неуверенна ни в собственном онтологическом статусе, ни в статусе богов, демонов, инопланетных захватчиков и прочих жутких существ. Буддист посоветовал бы нам перестать думать о том, реальны ли привидевшиеся нам боги или демоны и задаться действительно важным вопросом: реальны ли мы сами?

Дискурсивность

Несмотря на то, что выводы Цапffe легко могут быть обнаружены в нашей жизни, у нас нет чувства убежденности в том, что люди — это действительно ложные и парадоксальные существа. И даже если бы эта убежденность была, то почему из этого следовало бы, что мы должны будем вымирать, а не продолжать жить так, как жили все эти годы? Нейробиологи и генетики мало-малу приходят к выводу, что большая часть нашего мышления и поведения объясняется нейронной структурой и наследственностью, а не личным контролем над личностью, которой мы, как нам кажется, являемся. Но они не считают самоубийство обязательным только потому, что лабораторные эксперименты показывают им, что человеческая природа глубоко марионеточна. Мороз ужаса не пробегает по их спинам; есть только восторг открытия. Большинство из них продолжает свой род и не видит в этом ничего предосудительного. Увидев восставший на операционном столе труп, они бы с ликованием воскликнули: «Он жив!». И мы бы возрадовались вместе с ними. Кому есть дело до того, что человеческие существа произошли из слизистой грязи? Мы можем жить с этим знанием

или, по крайней мере, большинство из нас. На самом деле, мы способны уживаться с любой концепцией о самих себе. У нас, конечно, бывают периоды, когда сила позитивного мышления ослабевает и никакие научные открытия неспособны компенсировать видения мрачного будущего. В конце концов, как виду, обладающему сознанием, нам приходится терпеть некоторые неудобства. Но они меркнут в сравнении с глубинным ощущением собственной неподлинности, — чувства, что мы ни шагу не можем ступить по собственной воле, и являемся отнюдь не тем, чем мы себя считали. В настоящее время едва ли кто-то может представить себе, что подобное мироощущение может стать действительно массовым; что человечество достигнет дна и больше никогда не сможет воскресить все свои механизмы подавления и отрицания. Это случится только тогда, когда наступит день утраченных иллюзий. Но пройдет еще много поколений, прежде чем это произойдет; если это, конечно, произойдет.